Глава 1- Улыбка

Я плаваю меж сном и явью, наблюдая за тем, что творится за стенами моего дома. Я вижу сквозь прозрачную стенку буквы и цифры, написанный поверх нее, поверх меня- «Образец13». Их написали там не для моего развлечения, так что я вижу их с другой стороны, перевернутыми. Но времени у меня хоть отбавляй и постепенно я понял, что они обозначают. Это как номер дома и фамилия владельца на почтовом ящике. Но это не моя фамилия. У меня ее и не было то никогда, если подумать хорошенько. Если вспомнить...
А я помню. У меня всегда был только позывной. Коготь1. Единственная истинно моя вещь, но чаще всего использовал ее не я сам, что было бы логично, справедливо, а те, кто со мной говорил. Нет- разговор ведут оба собеседника, а я же не произносил ни слова, а только слушал тех, кто говорил мне о том, куда мне следует идти и что там следует сделать. Большей частью, после этого я обретал тело вновь- начинал чувствовать свои руки и ноги. Так что я был благодарен, хоть почти всегда сразу же после этого накатывала боль.
«Боль-это признак того, что ты все еще жив». Откуда я взял эту цитату? Мне не давали читать ничего, кроме инструкций к тем вещам, что были моими помощниками во время выполнения приказов от бесчисленных майоров, полковников, генералов. Я не помнил лиц этих людей, но помнил их чистые, с иголочки формы, украшенные блестящими стекляшками, и их новенькие кобуры.

А вот всех моих помощников я помнил хорошо, так, словно и их изображения и характеристики выжжены в моем разуме раскаленным докрасна клеймом- штурмовая винтовка, калибр 7, 62, магазин на 40 патронов, вес позволяет взять с собой еще 5 запасных обойм; пистолет, калибр 9, магазин на 15

патронов, вес позволяет взять с собой
еще 5 запасных обойм; пистолет-пулемет,
калибр 9, магазин на 30 патронов, вес
позволяет взять с собой еще 3 запасные
обоймы; нож, длина лезвия 14 см, тыльная
сторона клинка заменяет пилу; нить с
алмазным напылением- хранить в футляре.
А иначе вновь придет боль.
Но она уходила со временем, или же после укола,
что мне делали люди с красными крестами
на плечах. И так, и так- мне становилось
лучше, и я мог впитывать окружающий
меня мир. Хоть и смотрел на него сквозь
прорезь прицела, я видел многое и многих.
Люди, такие разные, такие живые и громкие-
после встречи со мной становились очень
тихими. Я заставлял замолкнуть не только
тех, кто был жив, но и то, что таковым не
было. Машины, корабли- они были теплыми,
как люди, шумели, как люди, затихали, как
люди. Но они не были людьми.

«Парадокс»-я знаю это слово. Я читал его на губах
тех, кто стоял перед моей камерой- двое
в мундирах с погонами генералов, и трое
в белых халатах. Они махали руками и
озвучивали цифры- насколько я мог успеть
за их губами, Халаты хотели меня
утилизировать. Я не знал такого слова,
но звучало оно неприятно. Неприятно мне
было и от того, что Халаты, которых я
видел каждый день с момента рождения
моего «Я», говорили о том, что меня пора
«утилизировать».
Но Мундиры не хотели подобного исхода- на
их губах были только «превосходные
показатели» и «стабильный фронт». А они
явно были теми, кто отдает здесь приказы.
Так что Халаты оставили идею о моей
«утилизации». Но это не было моей победой,
так как с тех пор меня не выпускали.
Мундиры более не приказывали мне, вместо
этого они выпускали из клеток моих
братьев. Я знал, что те, кто занимал
клетки рядом, были мне родными- их лица
были похожи на мое отражение, а их рост
и мышечная масса были идентичны моим.

Мало того, мы были братьями не только
по крови и плоти, но и по оружию. Я и они
сражались плечом к плечу среди руин
городов, в холодных глубинах открытого
космоса и мертвых пустынях колоний.
Мои братья продолжали оставлять свои клетки,
чтобы бродить там, на свободе, чувствуя
ее сладкую боль. И не все из них
возвращались. Почему? Я часто задавал
себе вопрос и всегда в памяти всплывала
та боль, что я ощутил на той планете,
среди руин города, чей свет был виден
даже с орбиты. Меня с 99 моими братьями
десантировали на нее с орбиты. Подобно
метеорам, мы падали навстречу плотному
огню орбитальной обороны. Но противник
в основном целился в транспортники,
несущие в своих бронированных тушах
наши БТР-ы, так что большая часть снарядов
пролетала мимо нас. Но некоторые все же
находили свои цели, проделывая в броне
моих братьев огромные дыры. Я не ощущал
по этому поводу ничего, ведь по возвращении
они всегда были в своих капсулах,
выглядящие вполне исправными.

И сейчас я был вполне спокоен, ведя огонь из своей
винтовки по беспорядочно двигающимся
внизу людям, по мере сил прикрывая моих
братьев. И тут меня настигла боль, которой
я не чувствовал прежде- пуля, выпущенная
снайпером, пробила мою броню в районе
груди и вывела из строя маневровый
двигатель костюма. Я рухнул вниз и,
пролетев двадцать метров, упал среди
обломков одного из наших транспортов.
Рация вышла из строя, так что я мог только
ждать. Но в то время у меня был другой
приказ, и я не мог его ослушаться. Выпрямив
тело,я скатился вниз и едва не заснул
от боли, когда все нервные рецепторы
одновременно подали тревожные сигналы
в мозг. Я не мог подавить это, как всегда
делал ранее, и ощутил нечто новое- тревогу
за то, что я могу заснуть навечно.

Неизвестно почему, но это ощущение крепко засело

в моем мозгу. И всплывало с раздражающей
регулярностью, хоть я и пытался отогнать
и заблокировать его, подобно течи. А
если появляется течь, то вскоре появится
и еще одна, и еще. И все, что я мог сделать-
это сражаться с ними, чтобы продолжать
быть эффективным и нужным. Чтобы Мундиры
продолжали время от времени меня
выпускать. И долгое время мне удавалось
это- по-крайней мере, я выходил из клетки
гораздо чаще остальных. Но стрелки на
часах бежали вперед, и мое сражение с
моими ощущениями становилось все более
ожесточенным. Их было все больше и я,
как эффективный солдат, был вынужден
искать новую стратегию.
Ей стал компромисс. Когда Мундиры считали, что
я могу выполнить их приказ в одиночку,
я позволял своим ощущениями вести меня
в те моменты, когда был один. Как в тот
раз, когда осуществлял разведку
горнодобывающего комплекса «Астра3».
Я быстро вывел из строя транспорт
террористов, тем самым отрезав им путь
к отступлению. Они больше не могли сделать
то, за чем пришли- а именно взорвать
объект, без того, чтобы не навредить
самим себе, и были вынуждены
забаррикадироваться в центре управления
работами.

Они не могли сделать большей глупости, разве
что попытаться покинуть комплекс, что
было равноценно смертному приговору.
Впрочем, в обоих вариантах их ждала боль
и сон, но я бы сделал все куда быстрее,
чем температура. Определенно, быстрее.
Я отметил этот факт, пробежавшись до
шахты. Огромный корпус резчика ждал
меня неподалеку от входа, и, быстро
забравшись в кабину, я уставился на
картину, украшавшую потолок. На ней был
изображен человек, почти лишенный одежды
и прикрывающий гениталии своими руками.
Неизвестно почему, но я не мог отвести
от этого изображения глаз. И, как и
всегда, я начал анализировать изображение,

стараясь сделать это как можно быстрее,
одновременно заводя резчик.
Когда я развернул машину и медленно двинулся
к зданию, подробный анализ был уже готов.
Длинные темные волосы контрастировали
с голубыми глазами, а молочные железы
имели размер выше среднего. Подтянутый
живот и крепкие бедра, в целом, мышечная
масса свидетельствует о нахождении этого
человека в неплохой форме. Несомненно,
угроза присутствует. Но почему я ощущаю
не ее, а некое волнение и явные термальные
отклонения в области паха?
Вопросы исчезли сами собой, когда резчик вгрызся
в стену станции, моментально проделав
в ней широкий сферический проем. В моей
руке моментально появился пистолет, а
свободной я направил рычаг влево,
направляя машину к укрепленному корпусу
для того, чтобы проделать себе дорогу
сквозь щиты. Противник попытался
контратаковать, послав против меня
четверку закованных в экзоскелеты
класса «Самурай» солдат.
Я дождался их появления в укрытии, чтобы получить
побольше информации о противнике по их
движениям и скоординированности
действий. Мне хватило трех секунд, чтобы
увидеть неуверенность и неопытность,
и использовать их по-полной. Ударом
кулака активировав реле системы
пожаротушения, я снизил видимость в
зале почти до нуля, и, задержав дыхание,
спрыгнул вниз, на плечи одного из
противников.
«Самураи»печально известны из-за своего
недостаточного обзора. Недостаток, не
искупаемый их скоростью. Я успел закрепить
на затылке экзоскелета небольшой заряд
Н-текса, позаимствованный мной в кабине
резчика, и отпрыгнуть в сторону до того,
как он сдетонирует и проплавит металл
насквозь. Взрывная волна была недостаточной
для того, чтобы заставить остальных
потерять равновесие, но вполне достаточной,
чтобы отбросить меня в сторону. Я
использовал это, чтобы сократить

расстояние до одного из противников и
прилепить еще один заряд к его спине.
Он развернулся и едва не снес мне голову,
но я успел закончить и отскочить прочь.
Еще один взрыв- еще один выведенный из
строя противник.

Остальные открыли огонь и открыли его вслепую.
Глупо и опасно. Я дал одному из них
заметить себя и, когда он вновь начал
стрелять, вывел трассы пуль на его
приятеля. Ощущения, появившиеся у меня
в тот момент, когда тот ответил огнем
на огонь, были необычными. Мои мимические
мышцы, а именно та их группа, что я никогда
не использовал прежде, внезапно
активизировались, и мое лицо исказилось
в том выражении, что называлось «улыбка».
Я знал его из слов, написанных на плакате
в медчасти, где я был пару раз. «Широкая
белоснежная улыбка- признак здоровья».
Помню, я тогда еще задал себе вопрос о
том, почему я, несомненно здоровый, не
улыбаюсь никогда.

Но теперь, в тот момент, когда изрешеченные
огнем экзоскелеты рухнули на пол, этот
вопрос, время от времени терзавший меня,
исчез и я почувствовал облегчение. И
улыбнулся еще шире. Забравшись обратно
в резчик, я вновь посмотрел на изображение
того человека и улыбнулся ему перед
тем, как отправить машину вперед, к
стене, отделявшей бронированную и
изолированную коробку центра управления
от остальной станции. Перед моими глазами
мелькнул план здания и я смело вдавил
рычаг газа, заставив резчик прогрызть
мне путь сквозь металл.

Когда стена остается за спиной, я покидаю
машину и следую отработанному алгоритму,
бросая перед собой небольшие светошумовые
гранаты, чтобы дезориентрировать
противника и добраться до одной из
панелей управления. Очки тут не помогут,
так что мне приходится смириться с

необходимостью движения вслепую. Все
подобные станции сделаны по одному
образцу- производственная необходимость,
так что моя задача упрощена до предела.
И я без проблем добираюсь до панели,
ориентрируясь на ощупь и на звук.
Подключившись к системе безопасности, я изучаю
изображения с камер, а после, узнав то,
что мне нужно, отключаю их. Как и свет.
Теперь мне нужны мои глаза,так что я
снимаю глушилки и, вооружившись
пистолетом, двигаюсь вперед ровно до
тех пор, пока не достигаю лифта. Он
стопроцентно отключен террористами
заранее, но он и так мне не нужен. Что
мне нужно, так это шахта лифта- прямой
путь наверх. Там нет лестниц, так как
роботам- ремонтникам они не нужны. Равно
как и приказ из центра на ликвидацию
поломок. Так что я перерезаю кабели
неподалеку от дверей и жду, пока не
услышу равномерное гудение приближающегося
снизу робота. А потом седлаю его.

Он никак не отреагировал на мое поведение, только
слегка просел и его двигатели заурчали
сильнее, компенсируя увеличенную
нагрузку. Так же флегматично он отнесся
и к моему вмешательству в его системы.
Робот быстро стал набирать высоту, а
вместе с ним и я. И, когда двери лифта,
находящиеся на три уровня выше, поровнялись
с ними, я остановил своего металлического
скакуна и прислушался к происходящему
за металлом дверей. Крики самых
разнообразных эмоциональных окрасок-
от ярости, до боли.У террористов были
заложники.

Это не меняло моих целей, но слегка скорректировало
варианты моих действий. Что было странно-
обычно я относился к гражданским людям
нейтрально, но теперь что-то изменилось.
Я не хотел, чтобы они испытывали боль.
Я знал, что она не вызывает улыбки,а
улыбка- признак здоровья. Значит, то,
что ее не вызывает, вредит ему. Я еще раз

прислушался и вернулся к управлению
роботом. У него был небольшой контрольный
дисплей и я воспользовался им, чтобы
кое-что добавить к его алгоритмам.
Лезвием своего ледоруба я слегка приоткрыл
двери лифта, чтобы рассмотреть помещение
и не был особо удивлен увиденному. В
центре помещения, в окружении шести
«Самураев» стоял высокий человек, а у
его ног лежали несколько заложников,
освещаемые светом из прожекторов на
плечах экзоскелетов. Еще один “Самурай"стоял возле лифта, словно сам хотел
осмотреть его получше. Пару минут я
изучал обстановку, а после закрепил на
корпусе робота дымовую шашку и, выставив
интервал в три секунды, резко поднял
робота вверх и, открыв ледорубом двери
лифта, подцепил его лезвием часового у
лифта, вонзив острие прямо в его
приоткрытое забрало.

Противник с воплем полетел вниз, а я спрыгнул с
робота и отправил его в полет через
комнату. Террористы с воплями открыли
огонь по нему, а я смог беспрепятственно
добавить к дыму, разносимому по помещению
тушкой ремонтного робота, еще пару
шашек, а после вплотную заняться
ликвидацией противника. Высокий человек
без экзоскелета был явным лидером, так
что он был номером один среди моих целей.
И он благополучно покинул список ногами
вперед, когда мой ледоруб вошел глубоко
в его затылок.

Откатившись в сторону, я вытащил пистолет, одновременно
задаваясь вопросом, почему я использовал
против него именно ледоруб, когда мог
просто застрелить его? Это была бы
наиболее эффективная стратегия, но в
тот момент я думал о боли, что тот причинил
заложникам. И не мог действовать иначе.
Как не мог как-то иначе обезвредить и
тот «Самурай», что стоял ближе всего ко
мне. Его забрало было приоткрыто, и я в
прыжке сунул туда дуло пистолета и
сделал два выстрела, превратив лицо

противника в месиво.
Лучи прожекторов оставшихся «Самураев», до
того бродящие по углам, теперь
поворачивались ко мне, так что я аккуратно
ускользнул за спину одного из них и уже
было потянулся за очередной порцией
Н-текса, но тут вспомнил о заложниках и
той боли, что я ощутил при взрыве. Моя
рука сама вновь вытащила пистолет, а
тело устремилось вбок, мимо шахты лифта.
Я должен был обезвредить экзоскелеты
другим способом, и я уже знал как.

Пробегая мимо автомата с закусками, я ударом
рукоятки пистолета разбил стекло,
отделявшее голодного потребителя от
еды, и лучи прожекторов сразу-же
повернулись к коридорчику. Не дожидаясь
того момента, когда «Самураи» устремятся
за мной, я свернул за угол и, бросив за
спину пару светошумовых гранат, закрыл
глаза глушилкой. Вопли ослепленных
противников, донесшиеся из коридора,
заставили меня улыбнуться вновь и я
сохранил это выражение лица вплоть до
того момента, как добежал до них и
закрепил бомбочки на их шлемах.
Теперь в зале осталось лишь трое террористов
и они заметно нервничали, если судить
по дерганым движениям лучей их прожекторов.
Я по-опыту знал, что подобный оппонент
способен на спонтанные и весьма
неожиданные действия, так что теперь
мне придется вывести их из строя быстро
и одновременно, пока никто из заложников
не пострадал.

Добравшись до панели, я быстро понял, что мне следует
делать и, проверив затвор на плавность
и легкость хода, достал из кармана на
поясе обойму с бронебойными. Вставив
магазин в пистолет, я передернул затвор
и, положив оружие рядом с собой, осторожно
пометил небольшой кусок Н-текса на шлейф
кабелей связи, а после соединил его с
детонатором и выставил на десять секунд.
А сам,оставив бегущие по экрану секунды

позади, быстро, но бесшумно, прокрался
по коридорчику, мимо поверженных
«Самураев» и остановился на границе
света и тени, ожидая сигнала. И он не
заставил себя ждать- сдетонировав,
взрывчатка закоротила систему связи,
породив помехи. Все принимающие устройства
в помещении выдали резкий и высокий
звуковой сигнал, в том числе и рации
террористов. Они потеряли концентрацию
и я использовал их промах по максимуму,
тремя точными выстрелами продырявив
им шлемы.
Помехиутихли, и воцарилась мертвая тишина,
нарушаемая лишь воем ремонтного робота,
все еще летающего в дальних помещениях.
«Самураи», лишенные контроля своих
операторов, медленно осели на пол, а я,
держа оружие у бедра, вышел вперед и,
впервые за миссию, включил коммуникатор
и передал на базу- дрейфующий около
планеты крейсер Космофлота РФ, сообщение
о том, что ситуация находится под
контролем. А после развернулся и пошел
прямо к панели, чтобы вновь оживить
станцию, возобновив подачу электроэнергии
и работу камер и лифтов.
Заложники к тому времени уже слегка успокоились
и, догнав меня, попытались получить
ответы, которых я не знал. Слова,
произносимые ими, не имели для меня
смысла, и таяли во внезапно накатившем
на меня чувстве голода. Его я знал,
поскольку оно напрямую влияло на мою
эффективность. Но раньше я испытывал
его лишь в те моменты, когда только-только
покидал свою клетку и оно быстро уходило,
когда Халаты давали мне розовую пилюлю
и стакан теплой жидкости с приятным
вкусом.
Но на этой станции не было Халатов, ни одного-
тут я впервые внимательно осмотрел
окружавших меня людей и ни у одного из
них не было халата, только теплосберегающие
костюмы, идентичные моему. Но, насколько
я знал людей, им требовалась еда, так
что я спросил, не обращаясь ни к кому

конкретному- Еда. Пища. Есть на станции?
Мой вопрос заставил всех замолчать, обмениваясь странными взглядами. Их лица выражали эмоции, ранее мной не виденные, и я, не вполне уверенный в том, поняли ли они меня, задал свой вопрос вновь, на этот раз на английском. И тут один из людей покинул группу и, остановившись у разбитого мной автомата, взял оттуда пару ярко окрашенных пакетов и, вернувшись к группе, протянул их мне. Это не было таблеткой и я не знал, как ее следует использовать, так что просто посмотрел на того, кто ее мне дал, в ожидании инструкций.
Мы смотрели друг на друга до тех пор, пока другой человек, с длинными волосами цвета снега, со словами «Да господи ты боже мой!» не взял пакет из моих рук и ловким движением вскрыл его, а после достал оттуда какой-то желтый предмет и поместил себе в рот, начав усиленно двигать челюстями. Я следил за тем, как он повторил этот жест, а после вернул мне пакет.
Глядя на тот, как он ест, я почувствовал, как мой рот наполняется жидкостью, и спешно сглотнул. Это, без сомнения, была слюна, выделяемая организмом для более успешного перерабатывания питательных веществ в пище, так что мое тело уже знало, что мне можно без опасности для себя употребить содержимое пакета.
Сунув тонкий желтый лепесток в рот, я осторожно коснулся его языком. И мой разум испытал то, что заставило мой рот растянуться в улыбке- вкус этой пищи был хорош, очень хорош. И я хотел еще, а после- ЕЩЕ. Мир снаружи больше не имел значения, тут был только я и эти желтые «чипсы». С этого момента мои воспоминания стали весьма запутанными, но то, что я наелся этих «чипсов» до отвала, я помнил четко и ясно. И не испытывал никаких сомнений в правильности своих действий даже в тот момент, когда, по окончании миссии, стоял перед несколькими Мундирами и

парой Халатов, столпившихся вокруг
монитора, на котором воспроизводилось
видео с камер станции. Оно отображало
меня, утоляющим свой голод у автомата.
Я стоял на коленях у кучи пакетов с
чипсами, высыпая их содержимое себе в
рот, пакет за пакетом.
Мундиры и Халаты долго обсуждали меня и мои
действия, а потом в комнате появился
еще один Халат. Он сразу же встал между
мной и остальными собравшимися и развел
руки в стороны, привлекая внимание этим
жестом. Я слегка повернул к нему голову
и впервые узнал кого-то. Его лицо
моментально отозвалось в моем разуме,
выбросив на поверхность рой изображений-
туман, окрашенный красным, сквозь который
я вижу лицо этого человека. На нем
незнакомое мне выражение. Вторая картина-
белоснежный потолок. Рядом опять он и
на его лице улыбка. Он рад мне. На его
лацкане бэйдж со словами- О. Тец и его
миниатюрное фото. Я запоминаю их, потому
что тогда я впервые видел, как кто-то
улыбается мне, хоть тогда я и не понимал,
что это значит.

О.Тец разворачивается ко мне и, улыбнувшись,
начинает задавать мне вопросы о миссии.
Я отвечаю на них, а после улыбаюсь ему.
Халаты и Мундиры удивлены этим моим
выражением лица и начинают говорить
еще оживленнее. Пока их не прерывает
звонок телефона, стоящего на столе.
Красная коробочка издает дребезжащий
звук, но ни Мундиры, ни Халаты не спешат
отвечать на него. Их лица похожи на лица
тех людей на станции, но я не понимаю
причин подобного. Они окружены плотным
кольцом из охраны и флота, но тем не
менее, они боятся. В моей голове моментально
что-то щелкает и я бросаюсь вперед, чтобы
устранить угрозу. Красная коробочка
летит на пол и я с хрустом давлю ее
ботинком, а после оглядываюсь и докладываю,
что опасность устранена.
Их лица вытянуты еще сильнее, а рты раскрыты

так, словно они собираются есть «чипсы», но я нигде не вижу этих вкусных желтых лепестков, хоть мои глаза и бегают по всему помещению. И тут дверные створки расходятся в стороны и в помещение влетают два матроса в экзоскелетах класса «Витязь». Их лица искажены и на губах у них слово «Война»

Глава 2- Насыщенный цвет

Глава2- Насыщенный цвет.

Не прошло и четырех часов с той секунды, как Мундиры
с Халатами разошлись, а я, прошедший
через шприцы нескольких Халатов и
сканирование мозговой активности от
еще одного, вновь сижу в своей капсуле
на борту крейсера, двигающегося курсом
на одну из окраинных колоний Федерации.
Меня удерживают в кресле захваты, но я
могу двигать пальцами рук и ног, и мне
этого вполне хватает, чтобы улыбаться.
Я никогда прежде не был на свободе так
долго, так что мне нравится творящееся
вокруг, несмотря на то, что никто больше
не улыбается.

Новое оружие, что мне дали для пробных стрельб,
также заставляет меня улыбаться,
размышляя о том, какие дырки оно делало
в тех мишенях на стрельбище. Новая
винтовка явно была мощнее тех, из которых
я стрелял прежде, а огнемет был эффективен
против противников, предпочитающих
нападать группой. Но я прежде не встречал
подобных, так что я испытываю нечто
вроде ощущения холодка. Но он не снижает
мою эффективность, а, скорее, наоборот,
хорошее чувство.
И вот по палубам прокатывается рев,
сигнализирующий о том, что транспортники
уже ожидают нас в ангарах. А через две
секунды после его начала захваты на
моих руках и ногах раскрываются, давая
мне свободу. Снаружи я присоединяюсь к
моим братьям и, повинуясь мигающей
зеленой стрелке, двигаюсь вперед. Мундир,
ждущий нас на выходе, орет и машет руками,
распределяя нас по машинам. И я улыбаюсь
вновь- знакомому звуку низкого рычания,
издаваемому двигателями «Медведей».
По-трое, мы рассаживаемся по десантным
отсекам БТР-ов, и я замечаю стоящих в

глубине ангара солдат. Похоже, в этой
высадке мы пойдем впереди них.
Я возвращаю взгляд на лица своих братьев,
безэмоционально ожидающих отправки
под тусклым светом ламп. Они кажутся
зелеными, что отличается от обычного
их цвета, и я спрашиваю у них, каков их
статус. Они смотрят на меня, но тут голос
в коммуникаторе велит мне заткнуться
и не засорять эфир. И я замолкаю, продолжая,
впрочем, изучать обстановку. Если мои
братья нездоровы, то это может снизить
и мою эффективность. Ведь я являюсь
частью отряда.
Эти мысли роятся в моей голове и даже
вибрация, свидетельствующая о том, что
мы вошли в атмосферу планеты, не может
отвлечь меня от них. А вот щелчки от
попаданий в наш транспорт смогли это
сделать. Я считал подобное естественным-
ПКО были везде, особенно в колониях на
рубежах с неисследованным космосом. Но
тот факт, что они вели огонь по своим,
был чем-то новым. И я ощутил холодок, но
на этот раз улыбаться не хотелось.
Мы приземлились жестко- по ощущениям, это
были все 10G. Меня, как и всех остальных, вдавило в кресла, а
внутренности попытались спуститься
вниз, в ноги, но это ощущение быстро
исчезло, когда двери десантного отсека
открылись и БТР-ы поползли наружу. Я тут
же открыл бойницу, чтобы оценить
обстановку. Вид не вызывал у меня желания
улыбнуться, но вот тот холодок вернулся,
едва я увидел изрытую воронками от
бомбовых ударов землю, во многих местах
попятнанную какой-то зеленой жижей.
И тут я увидел одну из боевых машин противника-
похожая скорее на паука, нежели на
массивные коробки наших БТР-ов, она
лежала разбитой прямым попаданием
авиабомбы. От ее фиолетового корпуса
целыми остались только пара кусков
обшивки, на которых я ясно видел какой-то
узор. Но что он означал, я не знал, да и
не задавался этим вопросом, а просто
подмечал все детали. В их число входили

тела гуманоидов, облаченных в некое
подобие наших скафандров, и осколки
странных механизмов, уходящих глубоко
в почву.
В наших ушах звучат приказы, а потом все смолкает
на полуслове- помехи перебивают сигнал.
БТР останавливается, как и было ему
сказано, а мы молча сидим, ожидая
возобновления сеанса связи. Идут минуты,
но радио молчит. Как и мы, никто не
двигается, никто не шевелит и пальцем.
А впереди что-то происходит- я слышу,
как БТР-ы, ехавшие впереди нашей машины,
двигаются. А этого не должно было
произойти- у нас один канал связи на
всех. И мы все должны были оставаться
на месте до получения дальнейших
инструкций.
«Основные директивы»- память услужливо шепчет
мне это понятие на ухо и я быстро хлопаю
соседа, сидящего ближе всех к выходу,
по плечу и шепчу ему- Директива 1- наивысший
приоритет приказа. У нас был приказ-
оставаться на месте! Экипажи этих машин
отказываются следовать директиве 1!
Директива 10- Если один из нас отказывается
выполнять приказ- мы должны всеми силами
воспрепятствовать ему!
Его лицо не выражает ничего, но он открывает люк
десантного отделения, и мы всем отрядом
выбираемся наружу, привычно выполняя
первичную рекогносцировку. Я использовал
общий канал, так что экипажи пяти машин,
идущих рядом с нашей, также покидают
свои БТР-ы, рассредоточиваясь вокруг и
занимают позиции, готовясь к бою. Мы
действуем быстро и слаженно, как одно
целое, и я не удивляюсь уже привычному
позыву улыбнуться. Этот жест вызывает
у стоящих ко мне ближе всего братьев
явный интерес. И я считаю себя вынужденным
пояснить им- Я ощущаю себя максимально
эффективным и мотивированным.
Они покидают свои места и, держа наготове
оружие, идут ко мне, чтобы получше
рассмотреть мои лицевые мышцы и то,
какие группы я напрягаю для того, чтобы

выразить свою боеготовность и
эффективность. Мои братья. Они должны
знать то, что знаю я. Чувствовать то, что
чувствую я. Чтобы эффективно выполнять
приказы и быть нужными Мундирам. Чтобы
получить шанс обрести свободу на тот
же срок, что и я.

Окружающие меня безжизненно-спокойные лица одно
за другим растягиваются в улыбках и я
говорю им- Мы эффективны и должны
выполнить положение директивы 10!
Улыбающиеся лица кивают и мы идем вперед,
используя замершие на местах БТР в
качестве прикрытия. У меня мелькает
мысль использовать пару машин в качестве
огневых точек и я говорю остальным об
этом. Противоречий нет- ближайшие к
бронированным тушам просто лезут на
них и занимают места у пушек.
Я иду в авангарде и первым замечаю торчащий из
почвы предмет. Моя рука поднимается и
мои братья останавливаются. Никто не
задает вопросов, никто не покидает
строй- мы эффективны и едины, как рука
и пальцы. Ветер свистит в моих ушах,
когда я наклоняюсь к этой штуковине,
напоминающей камень, но имеющей явно
искусственным образом созданную форму.
Она не похожа на мину и, к тому же, не
сработала, когда мимо нее проезжали
БТР, быстро удаляющиеся в направлении
виднеющегося неподалеку поселения.
Я осматриваюсь еще раз и мне в глаза
бросается тот факт, что ослушавшиеся
директивы братья находились как раз в
тех машинах, что преодолели этот камень.
А первые из оставшихся с нами шести
бронетранспортеров стояли как раз у
него. Взяв бинокль, я прочертил воображаемую
линию через этот камешек и нашел на ней
еще два таких-же. Вместе они образовывали
дугу, идущую вокруг того поселения.
Сомнений нет, эти устройства мешают нашей
эффективности. Я опускаю ствол винтовки
и произвожу выстрел в камешек. Он
взрывается, создав странное фиолетовое

гало, которое исчезает лишь через десять
секунд, откликнувшись в наших рациях
протяжным мелодичным воплем. Пару
мгновений я моргаю, пораженный своим
внезапным желанием бросить все и бежать
вперед. Но я одерживаю верх над этим
порывом- он мешает моей эффективности,
а следовательно, должен быть подавлен.
Я бросаю взгляд назад и замираю- практически все
мои братья стоят, безвольно опустив
руки вдоль корпуса, а их оружие лежит
на земле. Вот первый, что стоял около
меня, делает шаг вперед- к останкам
камня. Я хватаю его за плечо и встряхиваю,
чтобы вернуть к эффективному состоянию-
Директива 1! Мы должны выполнить приказ!
Спокойное лицо, что я вижу под козырьком
его каски, медленно розовеет и он шепчет
что-то непонятное.
Как и все остальные. На их губах одно и тоже
слово и я слышу его в своих ушах, когда
приближаю их к лицу ближайшего ко мне
солдата- Атаракс. Они повторяют его раз
за разом, как будто пытаются заучить,
подобно тому, как мы учили директивы.
Практически все мои братья разом
перестали быть эффективны и виной тому
стал тот камешек. И тот, кто его туда
поставил. Наш неизвестный противник. Я
вновь испытал тот приятный холодок от
мысли о том, как же силен этот враг, без
единого выстрела лишивший шестьдесят
одного моего брата любого подобия
эффективности.
Взяв на свою броню все, что смогу унести без
потери мобильности, я завожу БТР и
пытаюсь связаться с крейсером в последний
раз. Ничего- только помехи и
«Атаракс...атаракс...атаракс» на заднем
плане. Сквозь экраны я вижу, что мои
братья также начали свой путь к поселению,
побросав свое оружие на песок и переходя
на бег, едва переступят ту дугу, тянущуюся
через останки камня. Один за другим они
проносились мимо и все мои слова о
эффективности и директивах пролетали
мимо них, исчезая в свисте ветра.

Радио молчало и все, что мне оставалось, это выполнять боевую задачу теми силами, что у меня имелись. БТР заворчал и устремился вперед, а я не ощутил ничего нового, когда пересек границу периметра, выстроенного противником посредством тех камней- точку невозврата. Что-бы это ни было- я был сильнее, был эффективнее и я все-еще мог улыбаться.

Но чем ближе я становился, тем сильнее был гул на границе слышимости- сверхнизкий звук, заставлявший зубы ныть, а кости- вибрировать и зудеть. Улыбка постепенно сползла с моих губ, когда я стиснул зубы и поддал газу, чтобы проскочить очередный охранный механизм противника. Дорога, по мере приближения к серым корпусам поселения и его поблескивающим под лучами здешнего солнца крышами, становилась все более неровной и в очередной выбоине БТР наскочил на лежащего в ее центре человека. Кем бы он ни был, он уснул моментально, так что я просто принял как данность тот факт, что вероятно, в следующей выбоине также придется раздавить кого-нибудь.

Краем глаза я замечал бегущие вокруг машины силуэты в знакомой форме, но они меня в упор не видели, отчаянно стремясь вперед, к видимой только им цели, находящейся в поселении. И я направил БТР им вслед, на ходу проверяя снаряжение. Кем бы ни был противник, пока что я не заметил никаких признаков его присутствия- ни машин, ни солдат. Только те устройства, снижающие эффективность атакующих. Они были крайне эффективны, но на деле просто отсеивали наименее готовых к бою. И доказательство сидело сейчас за рулем боевой машины, вооруженное и эффективное, как никогда. И доказательством тому была моя широкая улыбка.

Впереди меня неслась целая толпа, так что я не опасался того, что могу нарваться на мины, я скорее боялся за то, то могу случайно подавить гусеницами бронетранспортера своих братьев.

Впрочем, это было не самым плохим
вариантом для них. Абсолютная потеря
контроля над обстановкой в условиях
боя всегда приводила к плачевным
результатам для моих братьев- если они
доживали до возвращения на базу, их
капсулы долго пустовали, пока их
владельцев осматривали Халаты. Иногда
это занимало целые сутки, но они
возвращались, неся на своих выбритых
налысо головах новые шрамы.
Я мог только гадать, что с ними делали- у меня
не было таких шрамов, но и контроля я
никогда не терял. Или не помнил об этом.
Я осознавал, что у меня бывают провалы
в памяти, но шрамы, а точнее, их отсутствие,
были неопровержимым доказательством
того, что я самый эффективный представитель
подразделения «Коготь». Вспомнив об
этом, я вложил в улыбку новую для себя
эмоцию- насколько я помню, она называлась
«гордость» и поправил перевязь с
гранатами, висящую на груди. Пришло
время доказать свою эффективность.
БТР, порыкивая мотором, въехал на территорию
поселения и остановился в начале улицы.
Я не хотел попасть в засаду, так что не
спешил, пропуская вперед своих братьев,
уверенно бегущих к самому большому из
зданий, возле которого стояли наши БТР,
все, как один, с открытыми люками. Как
выяснилось, уверенность бегунов имела
под собой прочное основание- они
беспрепятственно добрались до входа и
исчезли в дверях, гостеприимно
распахнувшимся им навстречу. Ни выстрела,
ни движения- вообще ничего. И, после
того, как последний из Когтей вошел
внутрь здания, поселок вновь опустел.
Пару раз осмотревшись через прицел бортовой
электропушки, я наконец-таки решился
проехать еще немного вперед по улице,
чтобы подобраться поближе к зданию,
которое на поверку оказалось «торговым
центром», совмещающем в себе еще и
«кинотеатр» и «салон красоты». Я видел
эти слова раньше, но не знал, что они

обозначают, поэтому был вдвойне осторожен, направляя машину к дверям.

Но никто не пытался мне помешать, даже когда я использовал пушку для того, чтобы уничтожить двери и расчистить себе проход. Ее три ствола с воем исторгли в сторону фасада торгового центра около тридцать зарядов, моментально превративших в труху металл и пластик, служившие основой стен, и БТР свободно проехал внутрь.

Первые секунды я был абсолютно неэффективен, пораженный открывшимся мне зрелищем не хуже, чем светошумовой гранатой- перед моими глазами была самая прекрасная вещь, что я когда-либо видел. Огромная глыба стекла, которой была придана форма какого-то зверя, изящного и стремительного на вид, стояла перед БТР- ом, возвышаясь над ним как-минимум, метра на три и сверкая в свете его фар миллионом граней. Мой язык коснулся моего неба и оказался неприятно сухим, и тут я понял, что смотрю на эту восхитительную вещь с открытым ртом.
Я не был одинок в своем восхищении- два моих брата стояли возле нее на коленях с выражением, которое я бы описал, как олицетворение понятия «неэффективный»- глаза полуприкрыты, руки безвольно висят, а рты полуприкрыты и из уголков течет слюна. Я машинально вытер свой рот рукавом и посмотрел на блестящую глыбу с новым чувством- ярким, сконцентрированным желанием уничтожить то, что делает меня и моих братьев слабыми, даже, несмотря на то, что оно так прекрасно.
Пушка бронетранспортера завыла вновь и глыба разлетелась на кусочки под градом ее снарядов, осыпав и БТР, и моих коленопреклоненных братьев, лавиной осколков, которые забарабанили по обшивке, точно град. Я улыбнулся и подал машину вперед, чтобы раздавить ее

останки, но тут-же скривился, когда
услышал под гусеницами знакомый мне по
происшествию на дороге звук- треск и
хлюпанье. Один их моих братьев прыгнул
под БТР.
Я едва успел затормозить, когда услышал грохот
и корму машины резко приподняло вверх.
Панель управления тотчас же замигала
десятком красных огоньков, но я был
занят другим- искал второго Когтя, того,
кто бросил в меня гранату. Но он нашел
меня первым, прорвавшись через разорванную
взрывом обшивку и схватив меня удушающим
захватом. В мерцающем красном свете его
руки казались залитыми кровью, а на
левой, несомненно, была глубокая рана,
оставленная острым краем бронелиста,
но он смог проделать такой маневр без
экзоскелета, да еще и врасплох меня
поймал! Я вновь ощутил гордость, но
быстро прогнал эту эмоцию и плавным
движением открыл люк над своим сиденьем.
А после резко вывернулся из захвата,
воспользовавшись тем, что бронированная
спинка сиденья мешала моему брату
последовать за мной вперед.

Пистолет в моей руке дернулся, когда я выстрелил
в темно-красный силуэт Когтя, но тот
лишь издал нечленораздельный вопль и
рванулся прочь, сопровождаемый пулевыми
трассами. Я не промахнулся- ни с такого
расстояния, но, тем не менее, мой брат
смог уйти, даже убежать. Неужели он стал
эффективнее меня за то краткое время,
что не подчинялся директивам? Как такое
могло произойти? Мои мысли путались, а
пальцы неохотно откликались на мои
команды. И, когда я поднес руку к глазам,
то с изумлением увидел, как они трясутся.
Едва заметно, но все-же.
Мои ботинки скрипели по стеклянным крупинкам,
пока я брел вперед, держа оружие наготове.
Показавший себя бесполезным в столкновении
с моим братом, боеприпас 45 калибра
остался в БТР-е. Я заменил его бронебойными
во всем оружии, к которому смог найти

подобные пули. И теперь испытывал тот
самый приятный холодок, ожидая шанса
использовать его.
Но торговый зал вокруг меня был все так-же
безмолвен, только маленький робот-уборщик
деловито сновал туда-сюда, подбирая
невидимую глазу пыль. Я проводил его
взглядом, улыбнувшись при виде того,
как он замер, будто вкопанный, увидев,
какие завалы стекла ожидали его впереди.
Но робот зажужжал и смело бросился в
бой, на что я одобрительно кивнул и,
улыбнувшись, также поспешил вперед.
Силуэт появился передо мной абсолютно неожиданно
и я на автомате вскинул в его направлении
винтовку, лишь для того, чтобы увидеть
в прицеле улыбающееся лицо пластикового
человека- одного из тех подобий, что
носят на себе человеческую одежду для
того, чтобы люди из плоти и крови могли
посмотреть на то, как она будет сидеть
на них. Я заметил движение сбоку в самый
последний момент, а потом сильные пальцы
сомкнулись на цевье винтовки, не давая
мне развернуть оружие.

Коготь предугадал, что я попытаюсь застрелить
его из пистолета, достав его из боковой
кобуры свободной рукой, так что выбил
оружие сильным ударом своего ботинка.
И тут я подловил его на захват- моя рука
прошла под его колено и я, развернувшись,
бросил его на пол. Он потянул меня за
собой, все еще удерживая винтовку, и
перебросил через себя, уперев ногу мне
в грудь. Я сумел избежать падения на
спину, но моя положение все еще было
проигрышным. Коготь резким движением
перекрутил ремень моей винтовки так,
что импровизированная петля врезалась
мне в шею, а сам уперся ногой мне в
позвоночник.
Я слышал,как он бормочет что-то непонятное,
вперемешку с тихими «ха-хи-ха-ха», и это
абсолютное несоответствие между его
поразительной эффективностью и поведением
заставило меня всерьез подумать об

очередном компромиссе. Но времени на это не было, так что я сделал то, чему меня учили- жертва ради победы. Я вытащил нож и стремительным движением рассек сначала ремень винтовки, а потом сухожилие на ноге потерявшего равновесие Когтя.

Он даже на секунду не прервал свой бессвязный монолог, а рванулся вперед, пачкая пол своей кровью и попытался достать меня ударом ноги в прыжке. Я ушел вбок, но лишь для того, чтобы попасть под его кулаки- быстрая тройная комбинация ударов в корпус, заканчивающаяся подсечкой в нижний ярус. Коготь выполнил ее очень быстро, но я успел уйти из зоны подсечки и контратаковать абсолютно нетехничным ударом ноги в голову.
Как я и думал, выучка просто не позволила ему среагировать на это и он почувствовал все. Его тело расслабилось и рухнуло вниз. Когда его затылок стукнулся о пол, я позволил себе поискать взглядом свои винтовку и пистолет, но тут-же пожалел об этом. Голова Когтя ударилась мне в грудь с такой силой, что я отлетел назад, словно в замедленной съемке видя его оскаленные красные зубы, налитые кровью глаза и мой нож, торчащий из его правого легкого.
Я видел подобное раньше- во время боев с террористами в Нью-Мумбае: бойцы, обколотые Аресом, руками дробили бетон, чтобы добраться до нас и дипломатов, находящихся под охраной Когтей, и падали только тогда, когда свинец пробивал им головы. Но последняя лаборатория была уничтожена более двух лет назад, и с тех пор я не встречал «детей Ареса» и не испытывал особых сожалений по этому поводу.
Но стоящее напротив меня существо явно не было любителем Ареса- его мышцы не превосходили мои размером и тонусом, а в движениях не было ни признака нервных подергиваний, свидетельствующих об отмирании нервных окончаний- одном из

самых «приятных» послевкусий этого наркотика. Но он явно принял нечто, повысившее его силу и болевой порог, а также лишившее его какого-бы то ни либо самосохранения. Он даже не обратил внимания на нож в своей груди, всецело поглощенный мной, и, после того, как смерил меня голодным взглядом, вновь бросился вперед.
Мы обменялись серией ударов кулаками, а после мне удалось пройти ему в ноги, но он тут-же вбил меня в пол одним ударом кулака по спине. Я едва не отключился, но тот факт, что его нога вот-вот раздавит мою голову, как арбуз, мгновенно заставил мои инстинкты напрячься. Я быстро перевернулся и, использовав потерю им равновесия, ударил его под колено опорной ноги. Коготь опрокинулся и я смог, наконец-таки, достать из его груди свой нож.
Я уже практически вонзил клинок в горло Когтя, когда его пальцы сомкнулись на зазубренном лезвии и остановили меня. Вторая рука моего бывшего брата схватила меня за горло «тигриной пастью» и я ощутил, как его пальцы нащупывают кадык. Я не стал ждать того момента, когда он мне его вырвет, и откатился назад. По весьма удачному совпадению, после третьего переворота я оказался лицом к рукояти моего пистолета, лежащего на полу, и, перевернувшись на спину, воспользовался им.

Коготь,уже вскочивший на ноги и перехвативший нож для броска, не успел среагировать и пуля прошла сквозь его череп навылет, разбив витрину позади и засев в яркой картине, изображавшей легко одетого человека, стоящего около странного дерева и поправляющего свою одежду, состоящую из трех кусков материи, прикрывающих гениталии. На его лице была широкая довольная улыбка, которую ничуть не портила дырка от моей пули прямо посреди лба.

Заинтересованный настроем, который излучала эта картина,
я подобрал свое оружие и , вернув винтовку
на спину, а пистолет- в кобуру, убрал нож
обратно за пояс, а после перешагнул
через тело своего уснувшего брата и,
сквозь разбитую витрину, прошел внутрь
магазина, не спуская глаз с довольно
улыбающегося человека. Его улыбка
казалась такой настоящей, что я осторожно
протянул руку и коснулся гладкой
поверхности изображения, чтобы коснуться
этого момента и почувствовать себя
эффективным вновь. Но прикосновение не
оставило мне ничего, кроме впустую
потраченных секунд. Картина не дала мне
того ответа, что я искал.

Или же я плохо смотрел? Вновь окинув взглядом
улыбающееся лицо, я заметил нечто новое-
на губах человека была краска, или что-то
подобное ей. Сочный фиолетовый цвет,
явно нанесенный одной из тех маленьких
гильз, выстроившихся на полочке у ног
этого человека. Да, это явно была одна
из них- увеличенная двумерная копия
такой-же красовалась на картине, рядышком
с фигурой того человека. Она была такой
огромной, что при недостаточном освещении
я принял ее за дерево.
Подняв один из этих контейнеров, я покрутил
его в руке и, обнаружив срез, надавил на
него. Видимо, они были сделаны не из
самого прочного пластика- контейнер
раскрошился в моей ладони, и оттуда
выпал кусок той красящей субстанции-
по счастливому стечению обстоятельств,
именно такой, как и на картине. Насыщенный
фиолетовый. Я поднял его и посмотрел на
картину. Человек все улыбался своей
фиолетовой улыбкой, вызывая у меня целую
гамму новых ощущений, среди которых
преобладало желание сорвать со стены
плакат и уничтожить его. Но я все еще
держал себя под контролем и решительно
провел куском краски по своему лицу, а
потом еще и еще.

Я не мог оценить результат своими глазами, и пока что не чувствовал желания улыбнуться. Оно появилось, когда я прошел пару шагов влево и посмотрелся в одну из зеркальных панелей, украшавших стену около той картины. Три широких фиолетовых полосы проходили через мое лицо, подобно дорогам на карте, и сразу же, после того, как я их увидел, по неизвестной причине моя грудь начала вздыматься, а голосовые связки- исторгать в окружающую тишину странные звуки- «ха», «хух», «вахахах». Руки тряслись,а колени едва-едва держали тело в вертикальном положении, пока я испытывал это новое чувство, определенно, бывшее весьма полезным. Ведь на мои губы вернулась широкая искренняя улыбка, и она была насыщенного фиолетового цвета.

Глава 3- Без колебаний

Свет ламп вокруг становился все более ярким
по мере моего приближения к помещению,
обозначенному на эвакуационном плане,
как «театр». Словно бы что-то, таящееся
там, излучало энергию, питающую сеть и
превращающую в электрическое поле сам
воздух вокруг. Мою кожу будто покалывали
десятки крохотных игл, но это ощущение
не было неприятным- скорее наоборот-
мне очень хотелось повторить те звуки,
что я издавал в магазине, когда увидел
свое отражение в том зеркале, но я
сдержался и, проверив магазин винтовки
в последний раз, закусил губу и осторожно
заглянул за угол, как всегда, сделав это
на уровне пояса противника, вероятно,
стоящего за ним.
За белой и острой гранью стены меня никто не
поджидал, но вот у входа в театр,
расположенного в десяти метрах дальше
по коридору стояли двое солдат врага-
рослых гуманоидов, облаченных в доспехи
неизвестного мне типа. Они быстро
среагировали на мое появление, синхронно
вскинув оружие. Но я был быстрее и у
меня, к тому же, было преимущество-
укрытие в виде стены. И через две секунды
один из противников рухнул на пол с
торсом, покрытым дымящимися кратерами
попаданий, а второй бросил ко мне какой-то
предмет, покатившийся по полу, и скрылся
в дверях театра.
Этим предметов оказалась небольшая зеленая
сфера, диаметров в сантиметров десять.
Пару раз срикошетив от стен, она прямо
в полете распалась на две половинки, и
выбросила в воздух облако черного дыма,
моментально превратившего приветливый
светлый коридор в непроглядно черный.
Несомненно, мой противник использует
это для прикрытия и пойдет в атаку,
вероятно, около самой близкой ко мне
стены, чтобы использовать преимущество
моего малого сектора обстрела.

Я кувыркнулся вперед, уйдя из-под прикрытия
угла, и вскинув оружие, выпустил несколько
очередей в стену по широкой дуге. Но все
заряды ушли впустую, так как солдат
врага, который, как оказывается, мог
ползать по стенам и потолку, рухнул на
меня сверху и рассек мою винтовку надвое
одним взмахом своего изогнутого клинка.
То же движение повредило мой нагрудник
и разрубило напополам пояс с боеприпасами.
Я едва успел подхватить его перед тем,
как отскочить назад и уйти от второго
взмаха слабо светящегося зеленоватым
лезвия.
Мой враг уж слишком понадеялся на свое оружие
ближнего боя- ведь винтовка, с которой
он охранял вход, похоже, осталась там,
в зале, а здесь были только мы с ним, его
нож и мой пистолет. И, когда он это понял,
то резко прыгнул вверх и, закрепившись
на потолке, рванул обратно в черное
облако, шустро перебирая руками и ногами,
как огромный таракан. Я рванул за ним
следом и, уже у самого входа, достал его
выстрелом в голову. Он по инерции
продолжил движение и сполз на пол, где,
будто агонизирующая змея, наконец-то
понял, что мертв и начал трястись, а после
быстро затих.

Я настороженно осмотрелся, держа пистолет
наготове, а после, убедившись, что коридор
чист, скинул мешающий мне двигаться
поврежденный нагрудник и, как мог,
постарался его залатать, использовав
стальную нить, дабы восстановить его
целостность хоть частично. Удовлетворенный
результатом, я вновь облачился в броню
и развесил на ней самое необходимое из
того, что находилось на не подлежащем
восстановлению поясе. Закончив с
приготовлениями, я осмотрел своего
мертвого противника и постарался выявить
наиболее уязвимые места в его необычайно
мобильной броне. Материал, из которого
она была изготовлена, весьма напоминал
нечто биологического происхождения- я

смог расковырять его нагрудную пластину
своим ножом и она была похожа на хитин
по структуре, и имел слабые точки на
сгибах.

Всего этого было более чем достаточно и я,
вновь улыбнувшись, подобрал нож своего
поверженного противника- это прекрасное
и крайне эффективное оружие заслуживало
более соответствующего ему хозяина и
я намеревался им стать. Осторожно сунув
его за пояс, я перезарядил пистолет и,
подойдя к двери, прислушался к происходящему
за ней,а после сделал глубокий вдох и
медленно приоткрыл ее. Меня встретил
не огонь из многочисленных пушек, а звук
из многочисленных глоток. Хотя, это,
скорее, было синхронное и мелодичное
мычание, издаваемое, как минимум, тремя
сотнями человек. Они заполняли, буквально,
каждый метр зала- сидели в креслах, полу,
многие- друг у друга на коленях, но никто
не жаловался и не толкался- все, как
один, счастливо улыбались, прикрыв глаза
и мыча свое «эммммммм»
Свободным от тел был только проход, ведущий к сцене
и находящемуся на ней существу. Его
окружало то же зеленоватое свечение,
что и мой новый клинок, но в этой ауре
было что-то еще, находящееся в беспрестанном
движении. Едва я шагнул в проход, чтобы
пройти к сцене, как оказался в лучах
софитов, бьющих мне в лицо лучами света
и превращающих меня в идеальную мишень.
Дернувшись назад, я уперся в стену и
испытал то, что можно было назвать шоком.
Я точно знал, что секунду назад тут был
проход, следовательно, он должен был
быть на том же самом месте и в этот
момент. Должен! Никак иначе быть не
могло.
Но так все и было. Более того, я не мог уйти и в
сторону, пробравшись к стене или боковым
ложам- невидимые ограждения появились
и по бокам, протянувшись от подлокотников
кресел до самого потолка, мешая мне уйти
из светового пятна. Я позволил себе

потратить пулю на проверку прочности
этих препятствий и тут-же пожалел об
этом- свинец, визжа, загулял вокруг
рикошетами, и закончил свой путь в моей
ноге, причинив знакомую боль.
Стены по-прежнему оставались на своих местах
и мне оставалось только рассчитывать
на то, что они такие-же прочные и с другой
стороны и мне не угрожает обстрел, и
идти вперед, к сцене. Чем ближе я подходил,
тем менее мне нравилось то, что я видел-
это существо, хоть и было гуманоидом,
явно не подчинялось законам физики и
парило над покрытием, светясь блуждающими
зелеными огнями, все время вращающимися
вокруг его тела, как планеты вокруг
звезды.

Еще шаг и я смог разглядеть тонкие зеленые нити,
тянущиеся от лба каждого находящегося
в зале прямиком ко лбу существа,
левитирующего над сценой, и понял, почему
тот светится зеленым- он висел в поле,
создаваемом неизвестным мне устройством,
находящемся под сценой. Оно напоминало
древние приспособления, применяемые в
войнах 20-го века и служащие для
препятствования перемещения бронетехники,
но сделанное несравненно более изящно,
из материала, напоминающего стекло, с
вкраплениями все того-же зеленого света.
Сомнений больше не было- этот чужак использовал
генерируемую устройством энергию для
контроля над мозговыми волнами поселенцев
и моих братьев. Вот причина всего того
беспорядка, прямо передо мной. И я делаю
выстрел. Делаю его только для того, чтобы
мое оружие исчезло прямо из рук, а я сам
оказался сидящим на сцене и смотрящим
в дуло огромного подобия своего пистолета.
Говоря о том, что он был огромным, я
выражался в прямом смысле- его корпус
занял весь проход, оставленный мне
призрачными стенами, а в дуло можно было
зайти, не пригибая головы.
Это была иллюзия и я быстрым движением выбил
себе большой палец на левой руке, пытаясь

с помощью боли сбросить ее и восстановить
контроль. Но тщетно- черный провал дула
все так-же смотрел на меня и воздух был
наполнен запахом оружейной смазки и
пороха, с легкой ноткой какого-то другого
запаха. Я не мог определить его, и
попытался убраться с линии огня,
обнаружив, правда, что не могу даже
пошевелиться. Ситуация была безвыходной,
но я нашел в себе силы использовать свое
последнее оружие- разум.
Я ничего вам не скажу и не найдется таких пыток,
чтобы заставить меня изменить свое
решение!- сообщил я в дуло пистолета и
моргнул, ожидая либо немедленного
погружения в сон, либо боли, какой прежде
не чувствовал. Я знал, что этот враг
способен на причинение именно подобной.
Но оказался неправ- вместо боли и сна,
я обрел свободу движений и тут-же
откатился в сторону. Во время переката
я на доли секунды инстинктивно прикрыл
глаза, чтобы защитить их, и, когда я вновь
открыл их и вскочил на ноги, сжимая в
руках светящийся зеленым нож, то обнаружил
себя в абсолютно пустом зале.

На пару мгновений мой мозг вообще не был способен
ни на что другое, кроме как задавать
себе вопросы вроде «как» и «как мне
теперь действовать», но потом я начал
вспоминать события последних минут и
практически сразу из воздуха передо
моими глазами возникло то существо, что
ранее левитировало над сценой. Но теперь
оно сидело на барной табуретке и
неторопливо вращалось вокруг своей
оси. И каждый новый поворот его лицо,
обращенное ко мне, обретало новые черты.
За те несколько минут, что я планировал свою
дальнейшую стратегию, оно успело
примерить на себя личины всех тех
Мундиров и Халатов, что я видел, и в тот
момент, когда я уже приготовился к
нападению, оно, несомненно, владеющее
телепатией куда более искусно, чем те,
с кем я уже сражался ранее, внезапно

обрело черты последнего из виденных
мной Мундиров, и зарычало на меня-
Отставить, солдат! Вес этим словам
добавил тот факт, что существо также
увеличилось и в размерах, практически
заполнив собой сцену.
И я отпрянул назад, но по пути запнулся и
упал, выронив нож и уставившись на
огромное, подсвеченное зеленым, лицо
Мундира, смотрящее на меня так, словно
бы я был грязью на его сверкающем ботинке.
Чувства, что я испытывал в данный момент,
были новыми, и все, как на подбор, лишали
меня улыбки. Впервые я ощутил свою
неэффективность столь остро, и понял,
что Мундиры, да и Халаты, способны снижать
ее, как никто другой. Их вид словно бы
возвращал меня в мою камеру, сковывал
меня по рукам и ногам, мешал выполнять
то, что было заложено в меня- ДИРЕКТИВЫ.
Почему ты подчинился?- вопрос пришел в мой разум
извне, но я не противился- он был как
нельзя кстати и навел меня на ответ, что
так и просился на язык. Командующий
офицер отдает приказы, я должен ему
подчиняться,- сообщил я тихо, даже не
глядя на чужака, и адресуя его, скорее,
самому себе. Новый вопрос мой собеседник
даже не стал озвучивать, вместо этого
занявшись тем, что примерил мой облик
и начал изучать содержимое карманов и
жилета.
Почему?-слова возникли в моем разуме, подобно
гигантской вывеске, и я сам был удивлен
им. Именно сейчас все вопросы, что я
хотел задать раньше, но так и не задал,
прорвались наружу, сквозь те психологические
барьеры, что Халаты понаставили в моей
голове. И я ощутил ужас, вскользь пройдясь
по своим прежним воспоминаниям, смотря
на то, что делал, новыми глазами и новыми
чувствами.
Смерть,огонь и боль. Вот что я сеял вокруг себя,
но плоды всего этого безумия пожинал
не я, а Мундиры, вешающие на свою грудь
очередную блестяшку, и Халаты, получающие
новое оборудование и возможность и

дальше продолжать свою деятельность
по созданию машин убийства. А что получил
я, сидящий в дыму, посреди окровавленных
тел на аллее горьких воспоминаний? Что
получили мои братья? Для нас ничего не
изменилось! Мы были вещами, а им не дают
ни блестяшек, ни оборудования, кроме
как для того, чтобы продолжать убивать.
В этом мы сходны с Халатами, но те были
свободны, могли ходить, бегать, прыгать,
есть чипсы! А я больше не видел этих
восхитительных желтых лепестков. Я не
получил нихрена!

Ммм, новое слово, всплывшее из далекого
прошлого, было приятным. Нихрена-
употребляя его, я практически чувствовал
некий эмоциональный подъем. Возможно,
если я скажу его много раз подряд, то
смогу, наконец, сбросить весь этот груз
и улыбнуться? Нихренанихренанихренанихрена!-
проорал я в свинцовое небо, на что
существо, все также сопровождающее меня
в этой иллюзии, отвлеклось от ворон,
рядком восседающих на его руке и взмывших
вверх, едва я закричал свое «нихрена»,
и рассмеялось- Ох, какая экспрессия! Но
придержи свой пыл для своего настоящего
врага!

Последняя фраза имела смысл, ведь в тот момент я
злобно смотрел на него, сжимая кулаки.
И она не достигла цели, ведь, несмотря
на то, что мой список авторитетов резко
сместился вниз, этого чужака в ней
все-равно не было. Скорее наоборот, в
моей груди появился приятный жар,
стремительно затопивший все тело и
отогнавший все надоедливые вопросы в
сторону. Остались только желание убивать
и директивы, что держали его в узде.
Единственным, кого я мог убить, был этот
любитель копаться в чужих мозгах и я
рванулся вперед, на ходу занося кулак.
Но чужак опередил меня, с нечеловеческой быстротой
сократив дистанцию меж нами и отправив
меня в полет толчком ладони в грудь.

Воздух выбило из легких и я стремительно полетел назад, сквозь дым и запах разложения. Через пару секунд серое небо, в которое я смотрел, сменилось белоснежным потолком театра и я вернулся в реальность, катясь со сцены в проход с весьма приличной скоростью. Огромного пистолета уже не было, как и тех стен по бокам, и я, вскочив на ноги, столкнулся с тем, что на меня со всех сторон смотрели налитые зеленым светом глаза. Гражданские, мои братья- все молча стояли и смотрели на меня зелеными огоньками, ожидая команды от своего кукловода, все так же парящего над сценой и собирающего их энергию.

Но он чего-то ждал, и, тем самым, давал мне возможность сделать ход. И я использовал ее, подобрав пистолет и подобравшись поближе к сцене, чтобы видеть то устройство. А потом повредить его одним метким выстрелом. Раздался громкий треск и зеленая волна, что разошлась от поврежденного устройства по всему залу, разбросала всех присутствующих в стороны, в том числе и того чужака, что ранее командовал всем этим парадом.

Я ожидал чего-то подобного, потому сгруппировался и не упал. Но вот того, что ко всем остальным разом вернется осознание своего «я», я не ждал. И в тот момент, когда паникующие гражданские начали орать и рваться к выходу, продираясь мимо меня и моих братьев, я слегка растерялся и едва не упустил чужака, дернувшегося в сторону прохода за кулисы. Моя пуля попала ему в район плеча и он одарил меня бешеным взглядом залитых белым глаз. Теперь, когда устройства, питавшего его силы, больше не было, я мог ясно видеть его гуманоидное строение и выпирающий костный панцирь. Практически такой-же, как и у его воинов. И я сделал еще один выстрел, пробивший его коленный сустав.

Он заверещал и рухнул, а я, не оглядываясь, проорал- Двое, взять его и обезоружить!

Никакой реакции со стороны моих братьев, ранее рьяно стремившихся выполнять мои приказы. Оглянувшись, чтобы привести их в чувство напоминанием о директивах, я увидел, что они все также стояли и смотрели на меня.

Все, убить его!- проверещал чужак, сверкая зеленым светом, казалось, наполняющим каждую клеточку его тела. Нити опять протянулись от его лба к головам моих братьев и вот уже их глаза также заполыхали зеленью, а руки потянулись к кобурам пистолетов. Я использовал последние пули для того, чтобы попытаться достать чужака, и , когда они растаяли в его ауре, не причинив ему особого беспокойства, перехватил пистолет и, не разворачиваясь, обрушил его рукоятку на переносицу ближайшего ко мне противника.

Они уже не были моими братьями, мы перестали ими быть в тот момент, когда они позволили себе стать добычей этого чужака и подчиниться его воле. Нападение на меня было лишь следствием, поэтому я не воспринимал это, как нечто личное. Я был солдатом, и они были. Но теперь мы были по разные стороны баррикад и я не колебался, вышибая мозги тем, с кем еще недавно бился плечом к плечу. Приказ будет выполнен.

Глава 4- Боевая единица

Я был рад тому, что все эти трюки с иллюзиями
и игрой с моими воспоминаниями закончились,
даже несмотря на то, что на смену им
пришла бойня. В полутемном помещении
театра светящиеся зеленым глаза моих
противников представляли собой прекрасные
мишени и я не испытывал особых трудностей
с попаданием меж них. Которое облегчал
и тот факт, что мои некогда крайне
эффективные братья, обученные ближнему
бою и рукопашной, теперь сражались с
грацией БТР-ов, держа пистолеты на
вытянутых вперед руках и стреляя по мне
с меткостью стрелков регулярных частей,
то есть я мог вообще не двигаться, если
бы выучка мне позволила.
Но они превосходили меня числом и полным
отсутствием инстинкта самосохранения
и вскоре один из них смог свалить меня
на пол, в тот момент, когда я перезаряжал
пистолет. Он обхватил мой торс с такой
силой, что мои ребра затрещали в его
хватке, но тут его голова лопнула от
попадания пули, затем чиркнувшей меня
по виску. Боли почти не было, всю ее мощь
взял на себя выброс адреналина, так что
я освободился из хватки и достойно
ответил стрелку, раскидав его мозги по
лицам солдат вокруг.

Зеленых огоньков вокруг было все еще слишком
много, когда у меня закончились патроны
и я остался в полутьме, сжимая в объятиях
свой импровизированный щит- обезглавленное
тело своего бывшего брата. У него также
не было запасных обойм и все, что мне
осталось, это использовать наш вес в
качестве тарана при атаке на все еще
палящие в нас зеленоглазые силуэты. Они
столпились в проходе, синхронно нажимая
на курки своих пистолетов и освещая
тьму вспышками выстрелов, так что моя
атака была удачной- мой щит, ставший
теперь моим снарядом, повалил тех двух,

что стояли ко мне ближе всего, и я смог
вырвать у них оружие и нашпиговать
свинцом его бывших владельцев, а затем,
присев на одно колено, начать стрелять
в остальных.

Моя стратегия была прекрасной в своей
простоте (Пока я дырявил тех, что стояли
впереди, остальные не могли в меня
попасть, ведь я был ниже сектора безопасной
стрельбы) ровно до тех пор, пока противник
не начал стрелять сквозь своих же
товарищей. Шальная пуля, пролетевшая
под рукой одного из них, вгрызлась в пол
рядом с моим коленом и я откатился вбок,
а потом залег в проходе, продолжая вести
огонь по зеленоглазым силуэтам.
Кресла были вполне себе неплохой преградой от
пуль, но и они не были вечны. Как и патроны,
закончившиеся в тот самый момент, когда
совокупный огонь противника раскрошил
мое укрытие. А потом я услышал приятные
уху щелчки впустую бьющих ударников- у
моих оппонентов закончились пули. Они
не перезаряжались, в этот раз нет. И я
понял, что у меня появился весомый шанс
на выполнение задания. С улыбкой на
губах я вытащил свой нож и помчался
вперед, навстречу блестящей в полутьме
стали клинков, что они тоже повытаскивали-
пришло время для рукопашной!
Мои братья были хороши в этом, даже несмотря
на то, что двигались по указке чужака,
контролирующего каждое их движение. Я
едва успел блокировать выпад сбоку,
нацеленный в уязвимое место жилета, и
ответил взмахом, рассекшим сонную
артерию, после чего оттолкнул заливающего
все вокруг кровью из раны солдата так,
что он преградил путь своим товарищам,
а сам подхватил его клинок обратным
хватом и ударил все еще стоящего на
ногах, несмотря на кровопотерю, противника
ногой в спину. Он отлетел вперед, повалив
одного из моих бывших братьев на пол, а
я рывком оказался возле них и всадил
один из ножей в шею лежащего.

Если вы сражаетесь с группой противников на
ножах, никогда не бейте в грудь- можно
сломать клинок, даже если у врага и нет
жилета. И в живот тоже лучше не целиться-
нож может застрять в ране. Только режущие
удары, никаких колотых. Разве что в шею
- так меня учили, так учили и моих братьев.
Но теперь они все, как один, забыли это
и платили высокую цену за свои ошибки,
падая под моим ножом.
Хотя даже им иногда везло- один из выпадов
разрезал мне руку и мне пришлось отступить
для того, чтобы закрыть рану. У меня не
было шанса на то, чтобы остановиться и
залатать ее- зеленоглазые шли по пятам,
и мне оставалось только быстро бежать
к выходу, держа дистанцию меж мной и
сверкающими в свете ламп ножами. Едва
я наложил на порез заплатку, как моя
левая нога обо что-то запнулась и я едва
не полетел наземь. Винтовка того
бронированного любителя лазать по
стенам! Мои бывшие братья уже были
близко- оскаленные зубы, горящие зеленью
глаза, ножи, мелькающие туда-сюда в
воздухе, когда мои пальцы нащупали курок
винтовки, скроенной под эргономические
запросы, примерно соответствующие
человеческим, и воздух наполнил рев
оружия, превративший тех из них, что шли
впереди, в фарш.
В ноздри ударил резкий запах, но я проигнорировал
его, быстро забравшись на кресло, чтобы
достать чужака огнем из винтовки. Его
аура поглотила не все и он с резким
нечеловеческим криком упал на сцену.
Зеленые нити мгновенно исчезли и Когти,
уже практически схватившие меня за
ноги, застыли, недоуменно осматриваясь.
Я отпрыгнул на другой ряд, не дожидаясь
того, что пришелец вновь возьмет их под
контроль, и заорал, указывая на сцену-
Все, уничтожить врага!
Чужак заревел, забрызгивая все вокруг зеленой
фосфоресцирующей жидкостью, вероятно,
его кровью, и всем телом бросился на
дверь, ведущую за кулисы, проломив ее,

вместе с частью стены, и исчез, преследуемый
более не подчиняющимися ему Когтями. А
я поднялся на ноги и, поудобнее перехватив
винтовку, побежал обратно, по все еще
задымленному коридору, на ходу выбирая
наиболее оптимальный вариант того, как
мне действовать дальше. Уничтожение
противника, окопавшегося в поселении,
было нашей основной задачей, но последний
приказ был «Оставаться на месте и ждать
дальнейших инструкций». Я находился в
процессе выполнения боевой задачи в
текущий момент, но уже нарушил приказ
в целях защиты Директив, в ту секунду,
когда Когти освободились от контроля,
приказав преследовать чужака, а не
немедленно отступить на точку последнего
радиоконтакта.
Рация все так-же молчала и мне не у кого было
получить дальнейшие инструкции- впервые
мне приходилось искать решение
самостоятельно, полагаясь лишь на опыт
и Директивы. Их холодная непоколебимая
логика, как и всегда, дала мне ответы на
все вопросы и я, настороженно оглядываясь
на предмет затаившихся противников,
направился в выходу из здания.
Непосредственная угроза в виде того
устройства мозгового контроля была
уничтожена и теперь эту же участь
разделит и генератор помех, наверняка
расположенный где-то в районе скважины,
чуть дальше на север от поселения.
Материал, добываемый там, служил ему
неким подобием антенны, многократно
усиливая сигнал, что позволяло глушить
наши переговоры. И когда я его уничтожу,
то смогу, наконец, связаться с крейсером
для получения дальнейших инструкций.

Когда я прорвался наружу сквозь дым, то первым,
что я увидел на улице, был тот чужак,
залезающий в кабину одного из наших
БТР, пользуясь при этом помощью нескольких
Когтей- он таки смог восстановить
контроль над ними. Сам не зная почему,
я вновь испытал то приятное жжение в

груди и, яростно заорав, открыл по ним
огонь, за секунды уничтожив своих бывших
братьев, но не достав пришельца, успевшего
укрыться в броневике. Пущка развернулась
в мою сторону и БТР с воем изверг в моем
направлении десяток снарядов, которые
едва не оторвали мне голову.

Дым скрыл мое отступление в глубь здания,
но броневик медленно пополз вперед,
преследуя меня. Дуло автопушки искало
мой тепловой след, пока я отчаянно
пытался выработать стратегию против
нового врага, перекатываясь от витрины
к витрине и сожалея о том, что тут нет
магазина с оружием. Меня осыпало настоящей
лавиной блестящих осколков, когда
очередная очередь с воем разнесла
ближайщую витрину, на что я ответил
истошным воплем и бросился в проход,
вероятно, ведущий к подсобным помещениям
и складам.
Винтовка проделала в замке впечатляющую дыру и
я, не останавливаясь, ударом плеча выбил
двери и ударился о стенку коридорчика,
в который они вели, повалившись на пол.
Это спасло мне жизнь, ведь очередной
залп из пушки БТР-а вонзился в нее в том
самом месте, где секунду назад была моя
спина. Пыль покрыла мою грудь белой
крошкой, но у меня не было времени
удивляться тому, как она похожа на снег-
я спешно откатился вбок и бросился
прочь, на ходу вспоминая планы здания.
Через десять метров от моей текущей
позиции коридорчик переходил в лифт и
я, примерно догадываясь, что произойдет
дальше, на бегу открыл огонь по его
дверям, в секунды изрешетив металл.
Позади меня в коридор влетела граната,
но в ту секунду, когда огонь с ревом
устремился мне вслед, я уже падал в шахту
и на моих губах сверкал довольный оскал-
ведь я был чертовски эффективен!
Удар о крышу лифта едва не стер его с моих губ,
но я удержал улыбку и, открыв люк в крыше,
нырнул внутрь и нажал кнопку второго

этажа, а сам вручную отжал дверные
створки и приготовился стрелять в
чужака, вероятно вылезшего из БТР-а и
отправившегося проверить, мертв ли я.
Но в коридоре были только обугленные
стенки и осыпавшаяся краска- ни следа
ни пришельца, ни моих братьев, только
звук удаляющегося рычания мотора
бронетранспортера- кажется, чужак
слишком доверился убойной силе своего
оружия и решил, что меня можно списать
со счетов. Зря- я быстрым перекатом
оставил лифт и, пройдя сквозь ревущий
огонь, пронесся по коридорчику и вновь
выскочил в холл торгового центра, где
не было ни души, лишь осколки, отражающие
свет, пробивающийся сквозь отверстия
от снарядов в стенах, да ветер, воющий
в ушах.
Снаружи было немногим более людно- пара
гражданских, судорожно ищущих укрытие,
да трупы тех, кто попался под шальные
пули и колеса БТР-ов, теперь находящихся
под командованием того пришельца, как
и мои бывшие братья, восседающие на
броне транспортеров, быстро удаляющихся
в направлении скважины. Чужак явно
намеревался окопаться в районе глушилки
и подать сигнал о своей эвакуации из
района, или же у него там был корабль.
Второй вариант был весьма вероятным и
я отчаянно искал вокруг хоть что-нибудь
похожее на тяжелое вооружение. Но нашел
только пару гранат, оставшихся на
раскладке одного из моих бывших братьев,
присевшего отдохнуть у стенки. Он явно
устал, так как головы у него было, как и
части плеча, и я освободил его от
патронташа и запасных обойм к пистолету-
они ему больше не были нужны, в отличии
от меня.
От скважины и схватки с превосходящими
силами противника меня отделяло около
километра, но я не собирался переть на
них по прямой, вместо этого сделав
большой крюк, чтобы зайти к скважине со
стороны гор и иметь преимущество хотя-бы

по высоте позиции. Неподалеку от того
места, где я залег, было некое подобие
спуска со скобами, оставленными каким-то
любителем не особо обременительных
восхождений, так что я мог в любой момент
спуститься, но пока я предпочел изучать
расположение противника с некоторой
дистанции, ведь при свете дня меня бы
обнаружили в считанные секунды.

Я был прав в своей оценке ситуации- в тени
отвалов синей породы неподалеку от
входа в шахту находился корабль чужаков.
Его абрис отличался от неуклюжих силуэтов
наших транспортников своими естественными
линиями и полным отсутствием привычных
мне элементов корпуса. Он даже не стоял
на грунте, а парил над ним, как и тот
чужак левитировал над сценой. Улыбка
на моем лице сменилась привычным
безжизненным выражением в тот момент,
когда я понял, что мои шансы на уничтожение
и корабля, и пришельцев, практически
равны нулю.
Их был ослишком много, и я даже не говорю о том,
что при них были еще и две их боевых
машины, напоминающих скорее огромных
фиолетовых пауков, чем нечто из металла.
Теперь я видел, насколько они быстры и
подвижны, и холодок нового толка,
неприятный и черный, коснулся моей
спины. Я поежился под маскировочным
покрытием- если они засекут меня... Но
пауки были столь-же неподвижны, сколь
были активны их хозяева- тот чужак,
теперь облаченный в большой экзоскелет,
по габаритам схожий с «Богатырем»-
наиболее мощным и опасным доспехом
войск Федерации, деловито расхаживал
вокруг, отдавая приказания своим воинам,
одетым, как те двое, что встретились мне
в торговом центре.
Когти также были там, чуть в стороне от корабля:
одни сидели на земле, другие лежали
неподалеку от них, и у всех на лицах было
все то-же выражение- широкая искренняя
улыбка. Но они не были эффективны, о нет.

Они были слабы и я на долю секунды
задумался о том, что улыбка в их случае
означает нечто совершенно иное, нежели
эффективность. Но что? Я не знал, но этот
вопрос вызывал у меня все больший
интерес. И, сколько я бы не вглядывался
в их лица, ответ не приходил ко мне.

Спуститься я пока не мог, так что продолжил ждать
наступления темноты, надеясь, что в ее
спасительном сумраке смогу что-нибудь
придумать. Ну а пока здешнее светило не
зашло за горизонт, я мог расслабиться
и подкрепиться, согласно режиму приема
пищи. Брикет Сухпайка все такой-же-
твердый и безвкусный, но он даст мне все
необходимое, чтобы сохранять свою
эффективность еще на 8 часов. Так что я
жую его, отрешенно скользя взглядом по
сторонам, готовый в любой момент
схватиться за оружие. Мои мысли вскользь
касаются воспоминаний о «чипсах», но я
тут-же перевожу их на более насущные
вопросы- сейчас не время.
Секунды уходят, прихватывая с собой часы, а за
ними крадется темнота. И она меняет
очертания предметов, превращая все
вокруг в угрожающие силуэты. Но это мне
только на руку- прибор ночного видения
позволяет мне наконец прекратить
мучительное ожидание и начать действовать.
Я быстро спускаюсь вниз и на некоторое
время затихаю, чтобы удостовериться в
том, что меня никто не засек. Но подсвеченная
зеленым площадка все так-же кипит своей
жизнью и на меня никто не обращает
внимания- лидера пришельцев нигде не
видно, а его воины заняты тем, что,
используя вагонетки, вывозят из шахты
какие-то странные кристаллы, а затем
размещают их на площадке так, что
получающаяся фигура образует некое
подобие созвездия.
Когти,все также безвольно валяющиеся на
холодной почве, находились внутри
невидимых границ этой фигуры, но этот
факт никак не отражался на их поведении,

за исключением того, что некоторые из
них начали едва слышно бормотать что-то.
Я видел, как шевелятся их губы, но из-за
свистящего вокруг ветра не мог расслышать
того, что именно говорят мои бывшие
братья. И, когда я уже собирался
воспользоваться тем, что Когтей вообще
не охраняли- они и не пытались сбежать,
если уж быть откровенным, в чреве шахты
послышался топот. Чужаки двигались
наружу, чеканя шаг, будто на параде, а
впереди, излучая болезненно-зеленый
свет, шел их командир в своем доспехе.
На его броне было закреплено еще одно
устройство, подобное тому, что я уничтожил
ранее, в помещении театра, и его свечение
заставило Когтей ожить и принять сидячее
положение.
Звук «мммммм», издаваемый ими, прорвался к
моим ушам сквозь ветер и породил некий
отклик в кристаллах, что стояли вокруг
Когтей- те начали вибрировать, создавая
звуковые волны, расходящиеся в стороны,
как круги на воде, и превращая звук в
вопль. Зеленый свет усилился, практически
ослепив меня, и я услышал громоподобный
звук. Ветер взвыл в моих ушах, едва не
сорвав меня с места, а после затих. Я
старательно вслушивался в то, что
происходило вокруг, но не слышал ничего.
Абсолютно ничего.

Мои инстинкты также молчали, так что мне
пришлось вжаться в скалу и ждать, пока
зрение вернется, сжимая в руках винтовку.
Мне казалось, что я попал в очередную
иллюзию того чужака, и в ту секунду,
когда я смогу, наконец, увидеть- он будет
первым в поле моего зрения, улыбаясь
улыбкой победителя среди наведенных
на меня винтовок его солдат. Но первым,
что я увидел, было космическое ничто,
взирающее на меня из дыры в пространстве.
Звезды там горели так ярко, что я едва
вновь не погрузился во тьму слепоты, но
через пару секунд портал закрылся и я
остался один. А Когти, лежащие на земле

с выжженными глазами, были мертвы, все до единого.

Глава 5- Мысли про себя.

Вопросы,их было очень много, как и всегда. Но
теперь их задавал себе не только я-
Мундиры, Халаты, они все бомбардировали мой разум
ими. Они хотели узнать
о том, что произошло за те десять часов
радиомолчания, узнать о тех телах, что
лежали на столах неподалеку от нас,
узнать о том, что убило всех моих братьев,
и, самый главный, почему выжил только
я. Я рассказываю им обо всем, как умею,
но им мало этого- я вижу это на их лицах.
И меня лишают свободы. Я сижу в кресле
без фиксаторов на руках и ногах, но я
почти не чувствую своего тела, плавая
в темноте своего разума. А Халаты копаются
в моих воспоминаниях- я ощущаю их, как
рыбка ощущает руку рыбака, опускающуюся
под воду для того, чтобы снять ее с крючка
и сунуть в ведро.
Откуда пришло это сравнение? Я не знаю, но с
каждым движением руки рыболова на
поверхность всплывают все новые и новые
ощущения и картины- улыбающиеся маленькие
люди, «дети»- вот как их называют. Мы
бегаем по кругу, взявшись за руки и
солнце такое яркое, что я слепну в его
лучах, сгорая от того, что никогда не
ощущал ранее- безмятежное счастье и
вера в будущее. Новые картины вырывают
меня из тепла и бросают в холодную воду-
лед, темнота, кровь и смерть под
безразличными звездами неизвестного
мне мира.
Вероятно,я как-то прореагировал на это воспоминание,
потому что Халаты что-то забормотали и
рука исчезла на некоторое время, но
потом моих ушей коснулся резкий голос,
по-всей видимости, принадлежащий одному
из Мундиров, и она вернулась в воды моего
разума, где теперь уже было не так
спокойно, как раньше. Но я приветствовал
эту бурю, открывающую мне новые и новые
чувства и те ответы, что я так долго
ждал. В ней была и боль, но я давно знал

все ее приемы и мое тело было неподвижным, хоть торнадо в моей голове и сносил все те стены, что Халаты строили вокруг моего истинного «я», разрывая разум на куски и тут-же заполняя трещины новыми картинами и мыслями.
Когда они получили то, что хотели и мой разум остался в покое, нет, неподходящее слово, скорее уж он был лишен внешнего воздействия, я едва сдержал вздох облегчения и вспомнил, что мне следует ответить на вопрос одного из Халатов о моем состоянии. Ответ «Я не ощущаю никаких отклонений» был правильным и мне было позволено сойти с этой ментальной дыбы и вернуться в свою клетку из пластика и металла, как и подобает послушной собачке. А я был именно ей и теперь ощущал восхитительную смесь из новообретенных чувств. Она была тем самым коктейлем, что был мне нужен, и я поглощал ее, паря в наполненной воспоминаниями бездне моего разума.

Его вкус не отогнала даже инъекция препарата, воздействующего на мой мозг и удаляющего краткосрочные воспоминания- а именно он тек по моим венам, вкачиваемый в мое тело сквозь холодок иголок в плоти.
Теперь он лишь расчистил место для нового смысла, что я мог вложить в слово «Свобода». Все то, что я называл так, было лишь жалким подобием той свободы, что была у меня раньше, до лаборатории и клетки. Я мог свободно выбирать, куда идти и что делать. Когда погружаться в сон и видеть сны, когда есть и что именно есть. Не концентраты, а настоящую еду, в том числе и чипсы. Теперь я знал, что несет в себе настоящая свобода и мне этого не хватало. Чертовски не хватало!
В этот раз я провел в клетке весьма недолго- галактика была неспокойным местом и ей требовался тот, кто разгребет все ее дерьмо. А я и мои братья были как-раз теми, кто был способен удержать лопату.
Новые слова сами прыгали по моему разуму

и я смотрел на все по-новому, сквозь
линзы своей старой личности. Мое новое
«Я» не было в восторге от того, что его
держат в клетке, как золотую канарейку,
но знало, что свои замечания консьержу
следует пока-что придержать при себе.
До того момента, когда я окажусь слишком
далеко и от Мундиров и от Халатов-
названия, к которым я теперь знал
синонимы. Ученые, яйцеголовые, доктора
Франкенштейны; и Вояки, торговцы смертью,
ястребы войны.
И вот очередной Ястреб решил, что для меня
настало время доказать, что Когтям еще
рановато отправляться в музей сломанных
игрушек и в очередной раз сделать грязную
работу за Федерацию. Тут я буду вынужден
рассказать и о том, что мои братья
перестали быть любимчиками и ученых и
военных. Об этом красноречиво говорил
тот факт, что нас в той палате, где мы
раньше находились в наше «свободное»,
хех, неподходящее слово, скорее «спокойное»
время, осталось только десять, а в
остальные камеры унесли и заменили их
новыми, более прочными и с крошечными
окошками. И посадили в эти клетки
новеньких. О, они даже не были людьми,
начнем с этого. Но, по-всей видимости,
убивали они столь же эффективно, о чем
я судил по их взглядам, налитым ненавистью.
Ко мне, к камерам, к ученым, ко всему, что
они видели вокруг. Их молочно-белая кожа
и абсолютно черные глаза находились в
постоянном движении, даже когда они
были внутри своих камер-достойная замена для Когтей, чья
неэффективность была доказана последней
миссией. И для меня.
Я же,тем временем, больше внимания посвящал
своей новой персоне, всецело поглощенный
ее анализом и выработкой оптимальной
стратегии, с помощью которой я смогу
выжить и выиграть в этой схватке с
судьбой, теперь именно в данном порядке.
Это был трудоемкий процесс, в ходе
которого я заново собирал все кубики
от своего импровизированного замка

разума, беспечно разрушенного взмахом
руки того ученого, что копался у меня в
мозгу с грацией слона в посудной лавке.
На тот момент, я смутно помнил, что такое
посудная лавка и, тем более, слон, но
выражение подходило и я воспользовался
им.
Практически все кусочки встали на свои места к тому
моменту, когда створки моей клетки
медленно разошлись, шипя, точно полевые
гадюки, и передо мной выросли фигуры
нескольких ученых в сопровождении
конвоя- двух военных в экзоскелетах.
Вояки без излишнего почтения вытащили
мое, все еще не слушающееся команд мозга,
тело и уложили его в парящую в воздухе
капсулу, где за меня принялись всерьез.
Я, стараясь не выдать свое перевоплощение,
безмолвно наблюдал за тем, как в мои
вены и мышцы вонзаются шприцы, стиснув
зубы, чтобы не заорать от боли, накатывающей
в мозг волнами. Видимо, в тех стенах и
заборах, что они понаставили у меня в
голове, был какой-то блок, значительно
повышающий болевой порог, поскольку та
боль, что прежде была мне не особо в
тягость, теперь заставляла меня желать
смерти.
Смерть-вот еще одно новое слово, что холодными
ногами прогуливалось по коре моего
мозга. Оно приходило ко мне довольно
часто и приносило с собой черный вакуум
космоса, в котором плавали серые коробки
с триколором- гробы, в которых заканчивали
свой жизненный путь многие люди из числа
тех, кого я знал раньше. Пока что я не
рисковал нырять в воспоминания, так как
у меня были куда более насущные проблемы.
И одна из них прямо сейчас приказывала
мне вылезти из капсулы и одеться в
лежащую на столе робу.
Я подчинился, стараясь сделать это
как-можно быстрее, чтобы скрыть ползущие
по моей коже мурашки. Воздух, наполняющий
слабо освещенный отсек был спертым и
прохладным, как и всегда, но этот факт
вызывал дискомфорт только у меня, и я

придержал свои эмоции при себе, вместо
этого быстро одевшись и вытянувшись по
стойке «смирно», ожидая, когда до меня
снизойдут Мундиры или Халаты.
Ждать пришлось долго и я позволил себе
стрельнуть взглядом из стороны в сторону,
чтобы убедиться в том, что моя охрана
все еще маячит у дверей отсека, держа
оружие наготове. Зачем все эти
предосторожности? Я не знал и это
неприятное серое «неизвестно» доставляло
мне определенное беспокойство, паря на
пределе моего восприятия и не давая
сконцентрироваться на том, чему я бы
хотел посвятить весь фокус своего
разума- плану побега. Сначала из этого
помещения, а потом и с этого корабля.
Усилием воли я прогнал страх перед неведомым и
начал прокручивать в голове все варианты
своих действий на тот случай, если
конвоиры все-же получать приказ о моей
ликвидации и их штурмовые винтовки
нацелятся на меня. Самый очевидный и
самый самоубийственный- вариант «заяц».
Бежать в другой конец отсека и использовать
вентиляционную шахту. Такой «заяц»
позволит мне прожить секунд двадцать
под огнем из винтовок, перед тем, как их
пули достанут меня. Возможно, если бы
мне вкатили дозу «Ареса» я бы смог
прорваться и использовать шахту, но,
при подобных обстоятельствах, мне было
бы куда выгоднее просто разорвать моих
охранников на куски, а потом прорываться
с корабля с их оружием.
А вот и второй вариант- атака на охранников в
тот момент, когда они не будут ждать
нападения. То-есть, сейчас. Увы, также
нежизнеспособен- я еще слишком слаб и
руки не слушаются меня в той мере, какая
необходима для подобных номеров. А про
ноги, которые казались моим пальцам
чужими в те секунды, когда те скользили
по ним, облачая в комбез, я вообще молчал.
И, по мере того, как пути бегства таяли
перед моим взором, неизвестность томила
меня все сильнее, подогревая желание

сделать хоть что-нибудь. Весьма глупое
и опасное, скорее всего, но хоть что-то,
вместо того, чтобы просто стоять на этом
холоде и ждать неизвестно чего.
Я уже практически решился броситься на своих
стражей, благо мои пальцы вернулись ко
мне в полном составе, и тут стена перед
моим взором превратилась в черное
одеяло, на котором появилось огромное
лицо одного из Мундиров. За моей спиной
раздался синхронный удар ног об пол и
я едва не вздрогнул от того, с каким
энтузиазмом солдаты отдали честь этой
огромной роже. Но он едва удостоил их
взглядом, вместо этого впившись глазами
в мое лицо так, словно бы я был аппетитным
стейком, и заорал про то, что мне предстоит
сделать и тех, с кем мне предстоит это
сделать, ну а я делал то же, что и раньше-
молчал и изредка моргал. С небольшим
дополнением- теперь я думал о своем во
время его монолога и думал о том, как
обратить все это задание в свою пользу.
В ту секунду, когда лицо закончило орать и
исчезло, я развернулся и направился к
дверям, как делал десятки раз до того и
солдаты послушно расступились, чтобы
последовать за мной по пятам, к ангару,
где в мигающем красном свете причальных
огней уже ждал корабль, который должен
был доставить меня к месту назначения.
В его металлическом брюхе таился
угловатый силуэт экзоскелета класса
«Барс», с помощью которого мне и предстояло
выполнить задание, и я, не теряя времени,
сразу-же залез в кокпит и застегнул
ремни, зафиксировавшие тело, а потом
сообщил пилоту о том, что готов к отправке.
Как и десятки раз до того, он ответил мне
действием, резко подняв корабль в воздух.
А потом мы оставили свет ангара позади
и грузовой отсек, посреди которого сидел
«Барс», прикованный к полу ремнями и
цепями, погрузился во тьму. И я вместе
с ним.

Глава 6- Всмятку

Когда огоньки ламп, указывающих на то, что
экипажу корабля, находящемуся в его трюме,
следует приготовиться к высадке, наконец,
вспыхнули красным глазами во тьме,
окружающей меня, я уже точно знал, что
случится дальше. И действительно-
транспортник затрясло, когда он
приблизился к гравитационному полю,
создаваемому станцией, и я поспешил
освободить доспех от фиксаторов. Наличие
у противника противокорабельной обороны
или истребителей не было подтверждено,
но я предпочитал подстраховаться на
тот случай, если данные разведки были
излишне оптимистичны.
Красный свет готовности сменился зеленым
непосредственной высадки и я, в последний
раз окинув взглядом снаряжение, сделал
пару шагов к пандусу, держась манипуляторами
костюма за потолочные крепления. Корабль
все так-же трясло, но я уловил в этой
вибрации новые нотки за долю секунды
до того, как пилот сообщил мне довольно
спокойным голосом- По нам ведет огонь
оборонительная турель. Пока ничего...

И тут раздался раскат грома, вспышка света
разорвала мрак трюма снопами искр, пол
затрясся и связь оборвалась, а я, спешно
закрывший забрало доспеха и активировавший
системы поддержания жизни, рванулся
вперед, к рычагу ручного открытия двери,
служащей одновременно и разгрузочным
пандусом. Он не был рассчитан на лапу
экзоскелета, но я довольно быстро
сообразил, что тут хватит и одного пальца
и рычаг быстро подался вниз. Тут сквозь
свист кислорода, спешно покидающего
помещение, прорвался еще один удар грома
и огонь окружил меня жаркой волной. Но
корпус корабля принял на себя основной
урон, да и воздуха было уже маловато для
ударной волны, так что я отделался
косметическими повреждениями и поспешил

покинуть трюм, продравшись сквозь щель
двери, едва она начала открываться.
Еще одно попадание окончательно искорежило
корпус, резко развернув корабль, и едва
не сбросило меня в черноту космоса, где
мой костюм стал бы прекрасной мишенью,
но я удержался, вцепившись в пандус и
постаравшись слиться с обломками так,
чтобы системы наведения турелей видели
во мне лишь часть уничтоженной цели.
Системы экзоскелета работали на минимуме
и на таком расстоянии турели не могли
распознать их сигнатуры, но как только
я подойду поближе... Однако это не было
такой уж проблемой- корабль должен был
доставить меня непосредственно к станции
и он сделает это, так или иначе.
Кабина была искорежена прямым попаданием и
пилот был мертв, а вместе с ним и большая
часть систем, включая двигатели. На
данный момент корабль безвольно дрейфовал
около станции и рано или поздно ее
обитатели попытаются разведать, что
тут и как, а мне лучше этого не дожидаться.
Так что я залез на корпус и, закрепив
костюм на той его стороне, что была
скрыта от турелей, включил маневровые
двигатели «Барса» на пару секунд, чтобы
придать туше корабля импульс. Не очень
сильный, чтобы не делать все столь уж
очевидным, но и не самый слабый- время
все же было ключевым фактором в операции.
Тронувшись с места, мы медленно, но верно, устремились
к станции, постепенно нарастающей на
мониторе заднего вида, как небольшая
луна, изуродованная множественными
наростами, мало что оставляющими от
изящной в своей простоте первоначальной
планировке. Остов корабля практически
преодолел половину расстояния до серой
поверхности станции, когда расчеты
орудий защиты поняли, что тут что-то не
так и турели вновь открыли по нам огонь.

Корпус задрожал и медленно начал отклоняться
от выбранного мной курса, на что я
отреагировал заданием нового- чуть в

сторону от огня орудий, используя энергию их попаданий, и нацеленного на столкновение со станцией. Теперь мы двигались куда быстрее и я с опозданием понял, что недооценил притяжение гравитационного поля станции. Оно было куда сильнее и корабль развалится на куски от удара о поверхность, и я вместе с ним!

Я едва не проморгал момент касания и с трудом избежал участи Шалтай-Болтая, с силой оттолкнувшись от корпуса корабля и отлетев в сторону. «Барс», принявший часть импульса от удара, покатился по поверхности станции со скоростью, намного превосходящей комфортную для моего вестибулярного аппарата. Выбрав момент, я силой остановил вращение ударом манипулятора доспеха о металл станции и рывком встал на ноги, едва вновь не рухнув от остаточного вращения. В моей голове словно бы бешено крутился нож блендера и я терял драгоценные секунды, пытаясь собраться и вернуть контроль над своим шатающимся туда-сюда телом, старательно отодвигая щедро подбрасываемые мне паникой мысли о многочисленных турелях, целящихся в меня своими черными пастями. Эти неприятные образы, слава вселенной, так и остались лишь в моей голове до того момента, как я смог, наконец, взять себя в руки.

А потом я увидел, как по ровному гладкому полю поверхности станции, залитому золотым светом ближайшей к нам звезды- желтого карлика с трудновоспроизводимым названием, к моей позиции быстро приближаются три стремительных силуэта. Их угловатые очертания и дерганые движения я не мог спутать ни с чем другим- экзоскелеты класса «Кархародон», снятые с конвейеров Западного блока почти десятилетие назад, из-за своего устрашающего вида и относительной дешевизны обретшие вторую жизнь в руках преступного элемента по всем секторам галактики. И сейчас мне придется в

очередной раз наглядно показать, почему
их сняли с производства.
Корпус«Барса» был частично прикрыт обломками
корабля от взглядов наездников тех
доспехов и я успел укрыться за ними и
приготовить оружие к ведению огня по
противнику как раз в ту секунду, когда
первый выстрел врага выжег темное пятно
на корпусе станции меж ног моего доспеха-
один из Кархародонов
зашел сверху, с помощью своих маневровых
двигателей поднявшись над поверхностью
станции и, использовав то обстоятельство,
что звезда светила ему в спину, а мне в
глаза, открыл огонь.

Я не стал тратить время на поиск этой цели,
а, резко развернувшись, вырвал из обшивки
своего бывшего корабля кусок, и, продолжая
вращение, бросил его вверх, в направлении
парящего над моей головой «Кархародона»,
а сам вскинул руки доспеха и выпустил
в тех противников, что скользили ко мне
по обшивке станции, две ракеты, электронная
начинка которых была заточена именно
под подобный бой «доспех-на-доспех». А
затем уже сам использовал свои маневровые
двигатели для резкого рывка вверх, прочь
от станции. Все это заняло около трех
секунд и я стремительно пролетел мимо
все еще выполняющего маневр уклонения
от моего импровизированного снаряда
«Кархародона» и всадил в него свою
предпоследнюю ракеты практически в
упор.
Вспышка двигателей и я замер в черноте космоса,
практически оглушенный стуком своего
сердца. А потом кусок обшивки, что я
бросил, величественно проплыл мимо, а
за ним летели ошметки от уничтоженного
ракетой экзоскелета, смешанные с красными
каплями и обрывками плоти, сквозь которые
я прорвался, устремившись обратно к
станции. По пути я прихватил (слишком
сильно сказано, скорее зацепился за
него пальцем доспеха) оружие «Кархародонов»-
дрейфующий около обломков моего корабля

огромный автомат, разработанный и собранный специально для этой модели доспехов. «Специально», но не «эксклюзивно»- закрепив оружие с внешней стороны левого наруча, я подключил к нему несколько манипуляторов и,- вуаля!- теперь автомат работал и на моем экзоскелете.
Покончив с этим, я быстро заскользил вперед по гладкой обшивке станции, ища указанный на плане крестиком люк, предназначенный для технического обслуживания коммуникаций. Как я и рассчитывал, корабль рухнул не так уж и далеко от него, и через считанные секунды мой глаз заметил, выделяющийся на золотом световом пятне черный прямоугольник. Я не стал особо миндальничать и выдрал его с мясом одним взмахом перчатки «Барса», а после, памятуя о том, что не я один такой умный, снял с плеча два диска мин-гончих и, пройдясь по ним пальцем-активатором, отправил их в черный зев люка.
Едва расставшись с моими ладонями, они оживленно зашевелили своими лапками и, полыхнув синими соплами двигателей, стремительно нырнули во тьму. Я успел уйти в сторону до того, как первая из них сработала, разрушив внутренние стены шлюза и выбросив в космос несколько бешено размахивающих конечностями людей в броне, которая не устояла под огнем моего нового трофейного автомата, моментально превратившись в решето, полное кровавого фарша. И тут взорвалась вторая мина, огнем и градом шрапнели уничтожив тех, кто смог таки удержаться внутри станции.

В черное безмолвие вылетело еще несколько тел, которые уже не нуждались в дополнительной обработке огнем, скорее в услугах того, кто соберет их воедино, и я, убедившись в том, что проход безопасен, прошел сквозь искореженный металл, держа оружие наготове. Но меня встретили только разрушенные переборки и сломанное оборудование, и я быстро преодолел

попятнанный кое-где кровью пол и вонзил
свой кулак в дверную панель, быстро
добившись того, что дверь открылась и
мимо меня со свистом пролетел водяной
кулер, притянутый вакуумом, а за ним
какие-то стулья и несколько небольших
предметов, разглядеть которые во всех
подробностях я не успел.
Дверь сомкнулась за моей спиной, оставив
вакуум космоса по ту сторону, и я вскинул
автомат, в любую секунду ожидая атаки.
Но коридор был пустынным, и я, выждав
секунд двадцать, двинулся вперед,
сверяясь с планом станции, чтобы не
проморгать нужный поворот. Этот объект
был создан для технических нужд и именно
поэтому мой доспех, имеющий в высоту
все четыре метра, без проблем проходил
по большинству коридоров, рассчитанных
на одновременное движение нескольких
роботов-погрузчиков. И я, действующий
в численном меньшинстве против
многочисленного противника, был
благодарен неизвестным архитекторам
за подобную предусмотрительность.
Мой секундный порыв благодарности, исполненный
ранее неведомого мне душевного тепла,
был мгновенно смыт волной инстинктов,
орущих, что близко опасность. И она и
впрямь буквально поджидала за углом-
не уступающий «Барсу» габаритами
робот-погрузчик, резво вывернувшись
из-за поворота, рывком сократил дистанцию
меж нами и попытался насадить корпус
моего доспеха на свои ножи. Я упер
манипулятор ему в грудь, таким образом
удержав робота на расстоянии, и разрядил
автомат, который держал на второй руке,
в его металлическую башку, превратив
мозги в свалку запчастей. Высекая из
пола снопы искр, погрузчик по инерции
протащил мой экзоскелет вперед метров
на десять, прежде чем все его системы
отказали окончательно и эта махина
завалилась набок, продавив собой боковую
переборку.
В открывшейся там моему глазу картине не

хватало только одного- порядка. Около
двадцати бойцов, расталкивая друг друга,
спешно разбирали оружие, валяющееся по
всему отсеку. Они не были особо уж
дружелюбными- я заметил, что один из них
просто застрелил другого из-за того,
что тот загораживал ему дорогу к столу
с пушками, а остальные никак на это не
отреагировали, озабоченные лишь тем,
как бы раздобыть себе оружие помощнее
перед моим появлением. Но теперь было
слишком поздно- я не стал ждать, пока
они соизволят отреагировать на меня
беспорядочным огнем из всего, что у них
есть, а завалился на пол и врубив
двигатели, помчался к ним яростным
тараном из искр и раскаленного металла.
Потолок этого отсека был куда ниже, чем у коридора,
и «Барс» не мог стоять там, выпрямившись
в полный рост, но его ограниченная
подвижность перестала иметь значение
в тот момент, когда корпус экзоскелета,
сопровождаемый шлейфом дыма, с лязгом
и грохотом проехал сквозь столы, разбросав
во все стороны лежащее на них оружие, и
врубился в занявших огневой рубеж
бойцов, сминая их, как гнилые помидоры.
Я даже не мог толком развернуться,
поэтому просто провел автоматом из угла
в угол, скашивая очередью всех, кто был
настолько туп, что еще стоял на ногах,
а потом сработала какая-то из бомб,
которые наверняка тут были, и экзоскелет
отбросило в сторону взрывной волной. Я
едва не потерял сознание в ту секунду,
когда «Барс» вмяло в переборку и все
системы доспеха замигали красным, но
прополз сквозь огонь и дым так, чтобы
последующая активация двигателей
выбросила меня в коридор
И тут по броне застучал частый град автоматного
огня- комариные укусы среди пожара.
Кто-то все-таки пережил атаку и пытался
достать меня, но неосмотрительно выбрал
недостаточно мощную пушку для этого. Я
проигнорировал его и, включив двигатели,
вылетел в коридор, едва не оглохнув от

оглушительного вопля попавшего под тепловой выброс выжившего. Бедный ублюдок,- пробормотал я, сам удивившись этой внезапной вспышке сочувствия, и попытался сменить ее на браваду, с ухмылкой сообщив приборам экзоскелета-
Ну лучше он, чем я!
Это слабо помогло, в отличие от отладки «Барса», требующего предельной концентрации для успешного восстановления полной работоспособности костюма за счет перераспределения энергии и использования резервных систем. К тому моменту, когда большинство огней на панели сменились с тревожного красного на успокаивающий зеленый, я заодно восстановил и свой прежний настрой хладнокровного профессионала, и к повороту, ведущему к главному ангару, подошли две уже полностью функциональных высокоэффективных машины для убийства.

Глава 7- Чрево станции

Я примерно представлял себе, что ждет меня за этими дверями, поэтому воспользовался тем, что было под рукой для того, чтобы соорудить для себя некое подобие щита, что должен был принять на себя большую часть огневой мощи защитников станции. Под рукой оказался массивный и тяжелый грузовой контейнер, в мирное время, вероятно, использовавшийся для транспортировки урановой руды меж этой станцией и планетой, на которой ее добывали. Толкая его ребристый красный бок перед собой, я упер другой торец в дверь и, приготовив оружие, послал на дверную панель сигнал об открытии створок.
По ту сторону загрохотали выстрелы и огненные трассы прорвались сквозь стремительно увеличивающую щель, стуча о стенку контейнера и переборки позади меня, на что я ответил парой выстрелов и, дождавшись возможности протолкнуть свой импровизированный щит сквозь дверной проем, нажал на контейнер плечом и двинулся вперед вместе в ним , изредка вслепую стреляя по пока что невидимому противнику.

Едва я прошел сквозь двери, как они сомкнулись за моей спиной, отрезая путь к отступлению, и огонь укрепившихся за ящиками и громоздкими корпусами погрузчиков бойцов стал еще плотнее. Они явно собирались взять меня в клещи и у них были все шансы на успех в данном начинании, но я не собирался сдаваться, да еще и столь легко! Из моего укрытия меж стеной и контейнером открывался прекрасный вид на кран, переносящий наполненные рудой контейнеры из одного конца зала в другой, и я поспешил использовать этот пейзаж в своих интересах.
Последняя из моих ракет помчалась навстречу его гондоле и превратила ее корпус в историю, а

висящий под ней контейнер в снаряд.
Тросы на одном его конце лопнули и
металлическая коробка понеслась вниз
и влево, зацепив нескольких наемников
и опрокинув гордо стоящего посреди
площадки робота-погрузчика, вскинувшего
свои захваты к потолку в неком подобии
молитвы своему жестяному богу. Он рухнул
на ящики, за которыми укрывались некоторые
из бойцов противника и к звуку стрельбы
и грохоту его падения добавились их
вопли.
Стук пуль о стены моего укрытия стал значительно
менее интенсивным и я воспользовался
двигателями доспеха для того, чтобы
сменить позицию. Пламя подняло «Барс»
в воздух и я оставил укрытие, поливая
защитников станции огнем своего автомата
сверху . Они потеряли троих в первые
секунды, а потом рядом со мной пролетела
ракета и взорвалась о стену неподалеку.
Ударная волна отбросила экзоскелет
вперед и я промчался над противником с
куда большей скоростью, чем рассчитывал.
Но все равно смог на автомате задеть
одного из них взмахом манипулятора так,
что его голова превратилась в раздавленный
помидор а тело пролетело за мной еще
метров семь.
С трудом вернув себе управление я развернулся
и вновь начал стрелять, на этот раз
намного успешнее, ведь теперь я залетел
к ним с тыла и времени на поиск нового
укрытия им не оставил. Ракетометчик,
вновь наводящий на «Барс» свое оружие,
получил порцию свинца в грудь и рухнул
на спину, прихватив с собой свое оружие
и разрядив его прямо в потолок так, что
полыхающая покореженная обшивка полетела
вниз, прямо на головы его вопящих
товарищей. А я, сэкономивший на них пару
обойм, победно улыбнулся. Но эта улыбка
не принесла особого удовлетворения и
мне пришлось опять прибегнуть к верному
средству. Лучше они, чем я,- пробормотал
я мрачно и развернул доспех прямо
навстречу мчащейся к «Барсу» ракете.

Вероятно,от попадания я отключился, секунд на пять, не больше, но и этого хватило для того, чтобы стрелок по полной использовал свое преимущество и выстрелил еще раз, на этот раз повредив ногу доспеха и ее двигатель. Ведь первым, что я ощутил по возвращении в чувство, была боль в левой ступне, намного более сильная, нежели в груди, что немудрено- на груди броня была куда толще. Экзоскелет, отброшенный взрывом на ящики с оборудованием для обработки руды, находился в полулежачем положении и системы «Барса» едва-едва откликались на мои попытки встать.Но он все еще стискивал в своей руке автомат и я поднял его дуло навстречу неторопливо приближающемуся экзоскелету неизвестной мне конструкции.

Патронов больше нет,- глухо сообщил мне искаженный динамиками голос его владельца,- Я считал твои выстрелы по картинке с камер. И теперь ты отстрелял свои последние заряды. С пользой для нас обоих, стоит отметить,- сообщил он секунду спустя, осматривая зал, теперь более похожий на батальное полотно, нежели на скучное фабричное помещение,- Мне не придется делиться с этими неудачниками!

Доспех подошел практически вплотную и дуло его ракетницы уставилось «Барсу» в забрало, после чего динамик без особых эмоций произнес- Федерация отправила на дело всего одного бойца? Не верю. Где твои приятели, боец? Я, напряженно раздумывающий над тем, как выкрутиться из этой ситуации, не нашел ничего лучше, чем сказать правду, которую он явно не хотел бы услышать- Федерация считает тебя заурядным сопляком с пушкой- это во-первых, и нет у меня приятелей- это во-вторых.

Его динамик заскрипел и зашипел, и издавал он эти звуки довольно долго, так что я, в конце концов, понял, что владелец доспеха смеется над моими словами. Это давало мне дополнительное время и я в бешеном темпе израсходовал его на

перераспределение мощностей двигателей.
Энергия перестала впустую расходиться
на поврежденные системы и «Барс» получил
шанс на то, чтобы покинуть эту станцию
победителем, а я- не в мешке для трупов.
Внезапно смех прекратился и доспех, нависнув
надо мной, упер ногу в грудь моего
экзоскелета и угрожающе сообщил,
приставив дуло ракетницы к забралу- Мои
двигатели выделяют куда большее
количество тепла, чем может выдержать
броня твоего костюма, е-учий клоун. И,
если ты не хочешь стать запеченным
е-учим клоуном, ты расскажешь мне о том,
где остальные члены твоей группы!
Вероятно,владелец этого экзоскелета плохо
разбирался в том, как работает распределение
массы и его позиция, особенно с учетом
упертой мне в грудь ноги, была весьма
шаткой. Поэтому мой маневр удался как
нельзя лучше- рывком левой руки я отбил
дуло его ракетницы в сторону, одновременно
захватив его ногу в захват пальцами
правой, а после врубил свой уцелевший
двигатель на полную и полетел назад,
таща опрокинувшегося на спину противника
за собой. Наш полет был не самым ровным,
из-за неравномерной тяги, и мы оба рухнули
среди обломков кровли и покалеченных
тел.
Я упал не особенно удачно и оказался прямиком
на линии огня ракетницы, закрепленной на наруче противника, но его
доспех все еще был неподвижен после
удара и мне удалось откатиться в сторону
за пару секунд до того, как экзоскелет
противника зашевелился и его оружие
начало искать цель. У меня не было ничего,
чем бы я мог атаковать или защититься,
потому я использовал сам доспех в
качестве снаряда и, врезавшись в корпус
экзоскелета врага, отбросил его назад.
На этот раз я знал, как «Барс» ведет себя
в подобном полете, и смог, раскрутившись
в воздухе, отшвырнуть от себя доспех
противника. Он не успел отрегулировать
свою тягу из-за поврежденных падением
двигателей, и, неуправляемый, врезался

в одну из опор крана, смяв ее, как коктейльную соломинку, после чего рухнул прямо под покосившуюся под весом всей рамы вторую опору, придавившую его корпус. «Барс», также пострадавший при столкновении, внезапно перестал откликаться на мои движения и резко взмыл вверх, огоньки всех систем замигали в бешеном темпе и уже через долю секунды доспех со всей скоростью впечатался в крышу зала, а затем, мертвый, как камень, полетел вниз.
До падения на металл и огонь меня отделяли всего несколько ударов сердца и тринадцать метров, так что я сделал все, что смог, чтобы оживить «Барс» и спасти себя от травм, но этого было недостаточно и мы рухнули на контейнеры. Они слегка смягчили падение, но мне было уже все равно- я уплыл в танцующую черноту в своем покореженном гробу.

Впрочем, груде металла, в которую превратился «Барс», не было суждено стать моим последним пристанищем. Я понял это в ту секунду, когда боль в груди и ноге вернула меня в мир живых. Перед моими глазами был только дым, поедаюший их, а в ушах пела сирена пожарной сигнализации. Все, кто мог и хотел тушить это возгорание, весьма вероятно, давно были мертвы, но автоматике было все равно, как было все равно и на то, что скоро огонь спалит и ее провода.

Я удивился этой весьма философской мысли, попутно освобождая свое тело от ремней и медленно ощупывая свои ребра. Одно из них было сломано, но это не было главной проблемой на данный момент- куда больше я боялся насчет своего позвоночника. Если я его сломал- то меня ждет либо смерть здесь, либо же смерть на базе. Покалеченный, я на хрен не сдался ни ястребам войны, ни яйцеголовым. Дешевле сдать меня на свалку истории, нежели лечить и восстанавливать мою эффективность.

Но руки и ноги слушались меня, а сердце билось
все так же ровно, и я, успокоившись насчет
степени своей эффективности, неторопливо
выбрался из доспеха и, достав свой
пистолет-пулемет, ловко спрыгнул на пол
отсека. Я не знал, встречу ли еще кого-либо
на своем пути в центральную рубку, потому
прокладывал себе путь через горящие
обломки и трупы весьма осторожно и держа
оружие наготове.

Проходя мимо лежащих у погрузчика тел, я увидел
лежащую около одного из них штурмовую
винтовку и, повесив на плечо пистолет-пулемет,
нагнулся, чтобы ее поднять. И тут мне на
спину кто-то прыгнул. Его вес был примерно
равен моему и я, не ожидавший нападения,
завалился вперед, придавив винтовку
своим телом, а тот, кто меня оседлал,
взмахом ножа рассек мне кожу на спине
и срезал ремень пп, после чего отбросил
оружие в огонь и, прислонив лезвие к шее
с такой силой, что почти прорезал кожу,
прошипел на ухо- Сейчас мы встанем и ты,
без всяких трюков, бросишь эту пукалку.
А потом спокойно потолкуем. Капиши?

Глава 8- Точка невозврата.

Дым ел глаза, а ребра все еще побаливали,
раскаленными штырями горя в груди, пока
я поднимался с пола. Едва я встал на
ноги, как бросил винтовку на пол и
медленно поднял руки вверх, как и
приказывал голос за спиной, и столь-же
неторопливо развернулся, чтобы встретить
его обладателя лицом к лицу.
Одними из своих наиболее полезных характеристик
я всегда считал память и внимание к
деталям и они не подвели меня и в этот
раз. Доктор Тец,- произнес я, смотря на
небольшой шрам под левым глазом человека
с ножом и слабо улыбаясь,- У меня есть к
вам вопросы. Ученый, теперь куда более
похожий на наемника, в своем черном
поддоспешнике, кое-где порванном и
помеченном красным, коротко вдохнул и
на его заросшем кустистой бородой лице
появилась неуверенная улыбка. Адам,-
прошептал он,- вселенная, а я-то думал,
что у полковника Петренко нет чувства
юмора!
Когда доктор назвал меня по имени, я не ощутил
того, что должен был, первый раз услышав
его. Это слово не принадлежало мне и
просто повисло в дыму, медленно ползущем
меж нами, пока его черные руки не унесли
его прочь. А доктор Тец махнул перед
собой длинным лезвием ножа и задумчиво
посмотрел на его зазубренную кромку-
Вопросы? Уверенный в том, что он говорит
сам с собой, я молчал, осматривая помещение
и отсчитывая секунды до того момента,
как концентрация угарного газа превысит
предельно допустимую и система последнего
заслона автоматически накроет все
пеной.

Ты сказал, что у тебя есть вопросы,- Тец
щелкнул перед моим носом пальцами,
вернув себе мое внимание, и улыбнулся-
Мне любопытно будет их выслушать перед
тем, как все тут рухнет. Я сфокусировал

на нем взгляд воспаленных от дыма глаз
и увидел, что он убрал нож и теперь стоит
передо мной так, словно мы по-прежнему
в лаборатории. Я в клетке, а он в халате-
пленник и пленитель. В мозгу шевельнулось
что-то дикое и злое, обдавшее мою грудь
жаром и шепнувшее на ухо- Убей его!
Быстро!
Хм,-произнес он, осматривая мое искаженное
лицо,- негативный отклик на воспоминания?
Весьма странно. Они перестали тебя
колоть? Я подавил свои эмоции и, проведя
взглядом по окружающему нас дыму,
спокойно произнес- Нам необходимо
покинуть это помещение. У нас где-то
тридцать секунд до активации системы
пожаротушения. Доктор удивленно сморгнул
и, покачав головой, направился к выходу,
бормоча под нос что-то про «изменение
темы разговора»
Тец,неторопливо бредущий впереди, подставил
мне спину, но я уже не испытывал желания
его убить, даже с учетом того, что еще
пару минут назад наши доспехи сражались
не на жизнь, а на смерть, а после этого
он угрожал перерезать мне горло. Эти
новые обстоятельства уже не имели
значения- передо мной неожиданно
открылись невидимые двери, ведущие к
свободе. И если кто и сможет провести
меня сквозь них- так это Доктор Тец.
Поэтому я подобрал винтовку и, проверив
наличие патрона в патроннике, двинулся
за его обтянутой пластиком комбеза
спиной к выходу.
Двери сомкнулись за нами и Тец обернулся,
чтобы сказать- Адам, слушай. На этой
станции есть еще кое-что, помимо нас с
тобой. Тебе было поручено убить меня и
уничтожить объект, не так ли? Да еще и в
условиях мертвой тишины. Черная операция,
мать ее! Ученый был прав и я подтвердил
его слова кивком, а затем добавил- Мне
не сообщали деталей. Я не знал, что это
будете вы. Но, даже скажи они мне, я бы
никак не среагировал, ведь я хотел того,
чтобы меня выпустили с корабля.

Тец улыбнулся- Тебя определенно перестали колоть. Я медленно произнес, стрельнув глазами по сторонам,- Нет, просто их зелье больше на меня не действует. Воспоминания- они, как волна, приходят и все рушат. И я больше не ощущаю того, что чувствовал раньше. Покоя больше нет. Вместо него я чувствую постоянную борьбу внутри.

Ты становишься человеком,- произнес Тец довольно рассеянно, нажимая какие-то кнопки на своем комбинезоне, но затем обернулся ко мне и, подняв палец в воздух, наставительным тоном продолжил- Ты был создан довольно давно и твои глаза повидали очень много того, что суть отказывается принимать. Потому-то Зальц с Штерном и покопались в твоей черепушке, создав ряд психологических блоков, а затем дополнили их сывороткой, ослабляющей как связи участков мозга, отвечающих за память, так и муки совести. Все это должно было работать просто прекрасно и до какого-то момента так все и было. А потом произошло «Событие Х». И оно сломало большую часть того, что они там понакрутили.

Доктор наставил на меня палец и, прищурившись, спросил- Тот инопланетянин что-то сделал с твоим разумом? Твой рапорт по тому заданию имеет гриф секретности куда выше моего уровня допуска и я не знаю подробностей. Более того- меня даже не допустили на вскрытие твоих братьев! И это меня! Главного генетика проекта Коготь! Проклятая военщина! Он злобно воззрился на меня и я неохотно рассказал о том, что произошло на планете, добавив некоторые детали, которые до сих пор придерживал при себе.
По мере моего рассказа выражение на его лице менялось: с удивления до откровенного изумления, а по окончании он хмыкнул и, покачав головой, подытожил- Ничего

удивительного, что они все засекретили!
Такой инцидент мог вызвать настоящую
бурю в обществе, но им повезло, что все
ограничилось одной колонией и погибли,
в основном, трудяги-поселенцы да мои
мальчики. Тец положил руку мне на плечо
и ободряюще улыбнулся- Нет худа без
добра- тот день сделал из тебя того, кто
ты есть сейчас!
Я не знал, что ответить на подобное, но он не
обиделся, вместо этого от души рассмеявшись-
Ну вот, мы тут вот-вот погибнем, а я толкаю
речи в стиле телевизионных проповедников
и мотивационных ораторов! Но потом он
вновь коснулся своего рукава и, взглянув
на интегрированный туда дисплей,
посерьезнел и сообщил мне- На станции
находятся образцы биологического
оружия, которые я прихватил с
«Победоносного». Они должны были оплатить
мне безопасную дорогу до Льва-3. Увы,
благодаря тебе,- он толкнул меня локтем
и весело подмигнул- мои покупатели-
весьма неприятные типы, кстати, отправились
к праотцам, и мы с тобой теперь сами по
себе! Но это не такая уж и беда. Ведь их
кораблик все еще тут!
Вот тут я был вынужден вставить в его монолог
свое веское слово- «Победоносный»
находится неподалеку, ожидая меня, и
уничтожит любое судно, что попытается
покинуть систему. Сперва нам придется
сделать что-то с ним. Тец нахмурился и
медленно побрел по коридору, ведя рукой
по стене, а я, время от времени поглядывая
по сторонам, последовал за ученым. У
меня уже был готовый план действий, но
я не хотел, чтобы у ученого возникли
сомнения в том, что я нуждаюсь в нем.
Мы дошли до лифта и доктор небрежным взмахом
руки коснулся панели вызова, а затем
обернулся ко мне и спокойно спросил- А
как ты должен был покинуть станцию после
выполнения задания? Я, ни на секунду не
задумавшись, произнес- Воспользовавшись
одним из экзоскелетов или капсулой
спасения. Тец задумался на пару минут

и, когда лифт уже прибыл, слегка наклонил
голову вбок и криво ухмыльнулся- А как
смотришь на то, чтобы этой капсулой
отправить нашим бывшим друзьям небольшой
подарок?
На уровне, где располагалась лаборатория,
ученый осторожно выглянул наружу и, не
отрывая взгляда от коридора, спросил-
Сколько у тебя времени до завершения
миссии? Я, держа винтовку наготове на
случай засады, сообщил, что у нас в запасе
еще 44 минуты. Тец широко улыбнулся и
довольно хмыкнул- Вот оно, мое дитя!
Всегда опережает график!

В коридоре никого не было и мы быстро пробрались
меж загромождавших проход ящиков и
вышли к дверям, помеченным большой
красной надписью- «вход только в защитных
комбинезонах». Тец обернулся и, указав
на нее, махнул рукой- Забей на эту хрень.
Там все стерильно! А вот обработка в
шлюзе вполне может нас убить. Стреляй
в панель! Я без колебаний выполнил
приказ, выпустив в экран пару очередей.
Двери протестующе завизжали и открылись,
пропустив нас внутрь освещенного
ультрафиолетом помещения.
Ученый сразу-же бросился к столу, на котором
стояло разное медицинское оборудование,
и принялся лязгать и греметь им, разбирая
завалы из планшетов и папок. Некоторые
из пробирок падали на пол, но Тец не
обращал на это никакого внимания, целиком
поглощенный поиском. Я, заняв позицию
у дверей, время от времени аккуратно
выглядывал наружу, прикрывая спину
ученого и поглядывая на часы, безжалостно
отсчитывающие время до окончания
задания.

Наконец,Тец радостно вскрикнул и, подобрав один
из планшетов, сунул его в стоящий рядом
кейс, а затем повернулся на 180 градусов
и, улыбнувшись мне оскалом маньяка,
ткнул пальцем в сторону небольшого
контейнера- Хватай его и пошли отсюда!

Я повесил оружие за спину и, подхватив
довольно-таки увесистый контейнер,
вышел в коридор, а ученый тем временем
вылил на пол лаборатории содержимое
пары объемистых колб и, водрузив еще
одну, наполненную красной жидкостью, в
середину лужи, подхватил свой кейс и,
выйдя наружу, встал рядом со мной.

Мы стояли так минуты три, пялясь на светящееся
желтым в лучах ультрафиолета озеро
реактивов, пока Тец не оторвал взгляд
от своего бывшего рабочего места и,
хлопнув меня по плечу, не вырвал из рук
контейнер, после чего севшим от натуги
голосом выдавил- Стреляй в ту колбу,
мальчик мой!
С такого расстояния, даже с учетом освещения, я
не мог промахнуться и пуля, разбив
закаленное стекло, высвободила содержимое
колбы, волной прокатившееся по луже и
мгновенно превратившее ее в огненное
озеро. Я быстро убрал винтовку за спину
и взял контейнер из рук Теца, замершего
на месте и затаившего дыхание при виде
огня, жадно лижущего пластик и стекло.
В его застывших глазах плясали огненные
язычки и мне пришлось толкнуть его
контейнером, чтобы привести в чувство.
Встряхнувшись, ученый быстро взял себя
в руки и, энергично кивнув мне, поспешил
к лифту. А я пошел за ним, размышляя над
тем, действительно ли мне нужен столь
непредсказуемый компаньон.
Уже на платформе Тец торопливо произнес- Я
выйду на третьем уровне и постараюсь
уломать пилота тех наемников на то,
чтобы он увез нас отсюда. У меня получится,
ведь без нашей помощи ему отсюда не
улететь! А ты доставишь ампулы к капсулам
и сделаешь то, чему тебя учили. Закончив
свой монолог, он отвернулся к дверям,
не дожидаясь моего ответа и явно уверенный
в том, что я беспрекословно подчинюсь
его команде. Но тут его ждал небольшой
сюрприз.
Нет,доктор Тец,- сказал я громко и твердо,-

Вы пойдете со мной и поможете с запуском капсулы. Я не хочу, чтобы вы подвергались искушению бросить меня подыхать на этой станции. Ученый несколько секунд молчал, явно удивленный этим неожиданным сопротивлением и моим словарным запасом, но потом рассмеялся- Если бы я хотел тебя убить, то прирезал бы еще там, в ангаре!

И еще раз нет, доктор,- на этот раз рассмеялся уже я, внимательно следя за каждым его движением,- Вы слишком любопытны для подобного. Да и вы уже тогда знали, кто я, не так ли? Тец покачал головой и хитро взглянул на меня- Виновен по всем пунктам! А теперь меня ждет суровый приговор, не так ли? Я мотнул головой- Я не сужу, но и помирать тут не собираюсь. Мы улетим отсюда вместе, иначе никак.

Глава 9- Шаг к свободе

Остаток пути до палубы, на которой располагались спасательные капсулы, мы проделали в молчании: я обдумывал сложившуюся обстановку, и Тец, если судить по взглядам, что он украдкой бросал на лежащий неподалеку лом, оставленный тут кем-то из персонала станции, также занимался оценкой перспектив нашего сотрудничества. Но он не был глупцом и, что следовало из этого утверждения, не сделал ничего глупого. И я надеялся, что так будет и в дальнейшем. Часть меня хотела, чтобы мы расстались мирно и каждый из нас остался-бы при своем, а другая часть требовала убить его прямо сейчас, уничтожить станцию и вернуться на крейсер. Как того и требовали Директивы.

К своему удивлению, я обнаружил свое оружие нацеленным в спину доктора, а палец, поглаживающим шершавую поверхность спускового крючка, и с трудом увел дуло в сторону, быстро заменив винтовку на контейнер с ампулами, поставленный на пол около поблескивающих металлом носков моих ботинок. Ощущение того, что в моих руках находится оружие, способное при сильном постоянном ветре вычистить целую планету за несколько недель, заставило меня взять себя в руки и я улыбнулся. А при виде того, как оглянувшийся в мою сторону Тец вздрогнул при виде этой улыбки, я растянул уголки своего рта еще сильнее.

Платформа дрогнула и замерла, а дверные створки медленно разошлись, открыв нам с доктором проход на палубу. Тец, не задавая лишних вопросов, побрел вперед, а я пошел за ним, изучая лишенное даже малейших намеков на жизнь помещение. Лампы в паре мест давно уже перегорели, а кое-где я заметил лежащую в углах толстым слоем пыль. Палубой пользовались и довольно активно, а вот убирали ее отнюдь не часто- типично для таких утилитарных

станций.
Капсулы никто не трогал и практически все они
были исправны, так что у нас с доктором
был широкий выбор. Тец остановился около
третьей и, мельком просмотрев ее данные
на мониторе технической диагностики,
повернулся ко мне- Вот эта вполне
подойдет. Дай-ка мне контейнер. Его
пальцы слегка дрожали, пока он набирал
код на замке, но дрожь пропала в ту
секунду, когда он достал из гнезда первую
из ампул и посмотрел на нее практически
с благоговейным трепетом, после чего
произнес- И я стал смертью, разрушителем
миров.
Я не знал, были ли этого его собственные
слова, но они были весьма уместны, что
я не преминул отметить- Хорошо сказано,
доктор Тец. Он улыбнулся мне довольно-таки
грустной улыбкой и продолжил- Чужие
слова слишком уж легко слетают с моих
губ. Я уже и забыл, когда в последний раз
делал или говорил что-то, что мог считать
истинно своим! Но теперь все изменилось!
Последнее предложение он произнес уже
более твердо, добавив веса своим словам
тем, что выпятил вперед подбородок и
решительно стиснул ампулу в кулаке.
Вирус был защищен металлическим кожухом и
слоем материала, гасящего любые вибрации,
но я все равно рефлекторно подался
вперед, готовый быстро закрыть контейнер
и перехватить ампулу. Доктор остановил
меня, выставив вперед руку, и улыбнулся
еще шире- Спокойно, Адам. Я знаю, что
лежит в моей ладони и буду осторожен. Я
кивнул ему и, поставив бокс с ампулами
на ближайший к нам стол, поверх старых
перфокарт, повернулся к доктору.
Что ты делаешь, Адам?- произнес Тец, в голосе
которого появилась нотка беспокойства.
Я улыбнулся ему и коснулся рукой своего
запястья, набирая на обхватывающем его
черном обруче комбинацию кнопок, служащих
сигналом об успешном завершении миссии
и том, что я планирую вернуться капсулой.
А потом с улыбкой сообщил доктору- Всего

лишь весточка домой о том, что их блудный
сын возвращается в семью.
Как это понимать, Адам?!- вскрикнул он удивленно,
когда моя правая рука сжалась на его
ладони, вырвав из нее ампулу, а вторая
сомкнулась на горле доктора, приподняв
его над полом. Я, все еще держа его в
захвате, медленно подошел к кейсу и,
вернув ампулу на место, захлопнул крышку
и закрыл на замок, комбинацию которого
я теперь знал. А затем приблизил
покрасневшее от прилившей к голове
крови лицо Теца к своему и прошипел-
Это... не мое имя!
Его глаза расширились в испуге и он уже было
приоткрыл рот, попытавшись что-то
сказать, но я быстро поднял его чуть
выше и бросил в стену. Не со всей силы,
но так, чтобы вырубить. А потом я залез
в капсулу и ударом приклада разбил ее
коммуникатор, после чего вернулся к
валяющемуся на полу Тецу и связал его
жгутами из аптечки. Это не было частью
первоначального плана, но я оставил его
там же, где оставил и все мысли о том,
что мы с дорогим доктором сможем разойтись
мирно- в прошлом.
Нож, что я прятал на щиколотке как раз для подобных
подсобных дел (его лезвие было слишком
коротким для боя), повинуясь моим пальцам,
аккуратно срезал рукав комбинезона
доктора, в который было вмонтировано
переговорное устройство и вернулся в
чехол, а рукав отправился мне за пазуху.
Замотав Тецу рот, я сунул его в капсулу
и надежно зафиксировал в кресле так,
чтобы камере, закрепленной под потолком,
был виден только его затылок и не были
видны жгуты. Эти электронные глаза вели
запись только с момента старта капсулы,
следовательно, я был спокоен насчет ее
поблескивающего вверху объектива и
столь- же спокойно достал из аптечки,
оказавшейся настоящим кладезем полезных
вещей, пару ампул транквилизатора и,
вколов одну из них доктору, сунул вторую
в карман своего комбеза.

Если все пойдет так, как мне нужно, она доживет до высадки на той планетке, куда планировал лететь Тец, а если нет- ее острие познакомится с шеей пилота той посудины, на которой сюда прибыли наемники. Я не мог убить его, то есть, конечно, мог, но что бы я делал потом с кораблем? Мои познания в навигации межзвездных полетов имели весьма поверхностный характер и я, сидящий за штурвалом, даже уйдя от «Победоносного», застрял бы в черных холодных глубинах космоса весьма надолго. Не говоря уже о том, что мне требовался новый источник информации о происходящем вокруг.

Тец, расслабленно храпящий в кресле, наслаждаясь циркулирующим в его крови лекарством, явно не был способен на что-либо, вроде побега из своих оков в стиле фокусников прошлого и я, воспользовавшийся своими часами для того, чтобы соорудить в панели запуска капсулы примитивный таймер, выставил временем отправки семь минут с настоящего момента, а затем спешно рванул к лифту, не забыв прихватить с собой контейнер.

Мой мозг монотонно отсчитывал секунды, пока платформа чересчур медленно (на мой взгляд) ползла вниз, и я отвлек часть своего внимания на обдумывание своей дальнейшей стратегии. Весьма вероятно, что корабль охраняется, и эта охрана может среагировать на мое оружие с излишней агрессивностью, сразу-же попытавшись меня продырявить и не оставив мне ни шанса на то, чтобы разъяснить им, чем чревато подобное поведение.

Поэтому я поставил контейнер на пол и, выудив из-за пазухи обрезок рукава комбеза доктора, нажал на кнопку коммуникатора, после чего на английском сообщил в решетку, защищающую микрофон,- Груз у меня, двигаюсь к вашему кораблю. Не стреляйте. Пару секунд эфир молчал, а затем голос, искаженный какой-то электроникой, настороженно ответил-

Кто это? Почему ты используешь комм
Теца?
Доктор Тец больше не участвует в сделке, но
условия остаются теми-же.- медленно
сказал я, выбирая слова так, чтобы те,
кто был на другой стороне, чувствовали,
что имеют дело с тем, кто все держит под
контролем. Какие, нахрен, условия!-
неожиданно проорал второй голос, чуть
выше и куда более чистый, чем у первого
моего собеседника,- Все наши парни
мертвы! А корабль Федерации висит на
орбите!

Воцарившуюся тишину спокойным и уверенным голосом
нарушил я, опять же из-за вопроса
контроля,- Насчет ваших людей соболезную.
Тот, кто это сделал, уже мертв и больше
не является проблемой. Точно так-же я
могу решить и вашу проблему с крейсером.

Первый из заговоривших со мной тяжело вздохнул,
отчего динамики коммуникатора зашлись
хрипом, а потом спросил- Что ты хочешь?
Я выждал секунд пять на тот случай, если
второму будет что сказать- если бы он
перебил меня, то весь эффект от моих
слов был бы утерян, и лишь затем продолжил-
Условия сделки остаются прежними. А
теперь я иду к кораблю. И не рекомендую
стрелять - в моей руке будет находиться
одна из ампул с хорошо известным вам
вирусом и если я ее уроню, то ни броня,
ни фильтры вас не спасут!
В эфире вновь воцарилось молчание и в тот момент,
когда лифт прибыл на этаж, где располагался
ангар, двери открылись и я уставился в
дуло пушки поджидающего меня у самого
лифта наемника. Чтобы автоматика не
закрыла их перед моим носом, я медленно
шагнул вперед, держа перед собой ампулу,
на что одетый в легкую броню человек
среагировал нервным воплем- Замри, бл-!
Я неторопливо повел перед его лицом
стеклянным корпусом, содержащим в себе
смертоносные споры, и оскалил зубы- Мы
можем замирать тут еще минут десять, а

вот потом это будет довольно сложновато сделать. Наемник, судя по всему, довольно молодой, быстро дернул плечами и движением пальцев правой передвинул переключатель режима огня на одиночные выстрелы, после чего хмыкнул- Поговори мне еще, с-ка. и я твой язык на шею повешу! И плевать мне на вирус, если я смогу увидеть, как ты сдохнешь.
Мне нравится твой настрой,- холодно сообщил я ему,- Может быть, мы увидим смерть друг друга, минут через девять. Динамик на его шлеме зашелся смехом- Все возможно, малыш. И что это за отсчет? Тут еще и бомба есть? В эфир ворвался голос первого- Он говорит о станции. Она одна большая бомба. Наемник злобно махнул пистолетом и угрожающе навел на меня палец- Твои трюки, с-чара!?

Кажется,я начал терять контроль над ситуацией, поэтому быстро восстановил свое положение, резко махнув ампулой в сторону, и вырвав второй рукой оружие из руки, стоящего слишком близко ко мне и отвлекшегося на это движение, наемника. А потом толкнул его на пол и пихнул ногой под зад так, чтобы он растянулся на пузе. Усевшись на него верхом, я потряс перед его глазами ампулой и прорычал в коммуникатор- Ну что мне сделать, чтобы меня начали воспринимать серьезно!?

Дуло пистолета стукнулось о затылок шлема и я продолжил свою тираду- У вас там, что, нет свободных мест? Ну так я мигом освобожу, прикончив этого щенка! Человек попытался меня скинуть, но я весил килограмм на тридцать больше и лишь посмеялся над его потугами, а потом ударил по шлему рукояткой оружия. В эфире по-прежнему были только помехи и я приготовился добавить туда немного шума, переведя пистолет в режим стрельбы очередями по три патрона, но мой невидимый собеседник внезапно решил пойти на-попятный, тяжело вздохнув и пробурчав,-

Мы все равно все умрем, так что хуже вряд
ли станет. Иди на корабль и прихвати с
собой эту дурынду. Мы не будем стрелять.
Последнее наше оружие у тебя в руках,
насколько я понимаю.
Меня нельзя было назвать доверчивым, поэтому
я появился под тусклым желтым светом
ламп, освещающих коробку ангара, держа
наемницу перед собой в качестве живого
щита и помахивая перед ее носом ампулой.
Моему взору предстал потрепанный жизнью
грузовой корабль неизвестного мне типа,
стоящий около контейнеров, в которых,
без сомнения, наемники и прибыли на
станцию, и я на пару мгновений задумался
о том, что сделал ставку не на ту лошадку.
Но я отогнал эти мысли прочь и сосредоточился
на подъеме по ветхому пандусу.
Внутри посудина также не производила особого
впечатления и я едва не проморгал
маленького человека, вооруженного
пистолетом и выкатившегося из потайного
отсека в переборке позади меня на доли
секунды медленнее, чем следовало бы. Я,
аккуратно убрав ампулу за пазуху,
отбросил в его сторону свой живой щит,
проведя образцовую подсечку, и навалился
на получившуюся кучу-малу, попутно
забрав у мальца его оружие.
Хватит уже фигней страдать, вы, двое. Отведите
нашего гостя в рубку!- властно сообщил
знакомый голос, одновременно по рации
и внутреннему интеркому корабля, и я,
все еще держа и наемницу, и малыша, под
прицелом пистолетов, взмахом ствола
приказал им идти впереди. Как я теперь
знал, этот корабль таит в себе множество
сюрпризов, потому выдерживал дистанцию
и бдительно следил за каждым их движением.
Но мы безо всяких приключений достигли
просторного отсека, занятого навигационным
оборудованием, где я встретил высокого
человека, поглощенного происходящим
на огромной голограмме, парящей над
столом перед ним. Он оперся на его край
и посмотрел мне прямо в глаза сквозь
синие очертания корабля, в котором я

быстро опознал хищные линии «Победоносного», и с улыбкой произнес, проведя перед собой рукой,- Если ты знаешь, как вытащить нас из этой задницы, то ты желанный гость!

Глава 10- Откровение

Вкратце обрисовав свой план собравшимся вокруг голограммы, я замолчал, ожидая их реакции. Внутренне я был готов к тому, что мне придется подкрепить свою инициативу парой выстрелов по ногам, но наемники, кажется, были рады тому, что кто-то уже сделал всю работу за них и на лицах мужчины и мальца появилось что-то вроде улыбки. А вот женщина, покусывающая губу, и тайком переводящая взгляд с меня на синий абрис «Победоносного», явно была настроена скептически и я слегка отставил правую ногу вбок так, чтобы быстрым выстрелом уложить ее, а потом навести пистолеты на оставшихся наемников.

Но наемница небрежно взъерошила волосы и, махнув рукой, бросила мне- Безумно, но может и сработать. Кажется, ее мнение было решающим на корабле, потому как оставшиеся облегченно выдохнули и взялись за претворение плана в жизнь.

Я воспользовался ближайшим креслом и, пристегнув себя к нему ремнем, скомандовал- Когда я досчитаю до нуля, поднимаемся в воздух. Усаживаясь в кресло пилота, мужчина со смешком ответил- Ай-ай, командер!

Наемница плюхнулась в кресло по-соседству и, вновь натянув свой шлем, сделала странный жест, явно адресовав его мне- ее указательный и средний пальцы коснулись забрала шлема, а потом нацелились на меня. Я слежу за тобой, приятель,- процедила она угрожающе. Я слегка приподнял пистолет, лежащий у меня на коленях, и наведя его на нее, холодно сообщил- А я буду следить за тем, как ваше корыто удаляется, после того, как все это закончится. Она недоуменно наклонила голову- Что это должно значить?

Он говорит о том, что распрощается с нами без особого сожаления, Кейси- весело сообщил ей малыш, сидящий неподалеку,

- Верно, мистер.... и я его не знаю. Имени, в смысле. Я мельком посмотрел на него и искривил губы в улыбке- Верно. Мой холодный оскал произвел на него впечатление совершенно иное, чем то, на которое я рассчитывал- малыш внезапно просиял и, хлопнув кулаком по ладони, полез под свое кресло. Я, одним глазом приглядывая за сидящей рядом Кейси, настороженно следил за тем, как малец вытаскивает оттуда планшет.
Коготь! Вот откуда я его знаю, пап!- ликующе сообщил он, показывая всем собравшимся изображение, на котором мои бывшие братья, явно на пике своей славы, спокойно стояли на погрузочной площадке около готовых к десантированию боевых машин. Заголовок под снимком был на английском и гласил- Новое лицо врага? Я был удивлен этим разоблачением куда больше, чем мои компаньоны по кораблю, но быстро восстановил спокойный прагматичный настрой и, как и планировал, начал отсчет- Три.. два... один... старт!
Малыш поспешно убрал планшет и вцепился в ремни безопасности, как сделала и Кейси, пока мужчина резко поднимал корабль в воздух. И вот тут станция начала разваливаться. Первым звоночком стали погасшее освещение и внезапно открывшиеся двери ангара, а я, в тот момент, когда мы выскользнули в черноту космоса, понял, что капсула только-что стартовала. У нас было около тех минут до того, как крейсер примет ее и в последующие тридцать секунд он либо исчезнет, либо направится сюда, чтобы искать меня. Корабль укрылся в тени, скользя вдоль обивки станции, медленно приходящей в негодность под безмолвными осуждающими взглядами звезд. Я сам удивился тому, как легко подобные цветистые фразы проникли в мой разум, выбравшись из-под бетонных плит Директив и доктрин боевой эффективности, но мое удивление сменилось тревогой, едва я осознал, что крейсер не принимает капсулу. Вместо гостеприимно

открытого люка летного ангара,
«Победоносный» показал ей дуло одного
из корабельных орудий.
А потом доктор Тец исчез в небольшой яркой
вспышке, вместе с капсулой, и я с удивлением
проглотил тот факт, что мое начальство
отправило меня на списание даже раньше,
чем я думал. Мне было жаль доктора, но в
тот момент выбор лежал меж ним и мной-
в капсуле должен был быть кто-то с
тепловыми сигнатурами человека, и этим
«кто-то» мог стать лишь он. Но я не
предвидел подобного исхода и в голове
мелькнуло лицо Теца, стоящего перед
моей камерой, там, на «Победоносном», в
белоснежном халате, спокойного и
собранного. Его чисто выбритые щеки
обросли щетиной, а глаза заблестели
лихорадочным блеском, что не смогли
скрыть даже отросшие космы грязных
черных волос- таким я увидел его в дыму
того ангара, где произошло то воссоединение.
Доктор больше походил на загнанного
зверя и какая-то часть моего существа
была рада тому, что он ушел быстро и
спокойно, храпя под транквилизаторами
в тот момент, когда его последняя обитель
испарилась под воздействием огня
крейсера Федерации, которой он отдал
большую часть своей жизни.
Я осознал,что отдаю ему воинский салют, лишь когда
ствол пистолета, который я все еще сжимал
в руке, больно царапнул правый висок,
но я не стал убирать его. Доктор Тец
заслужил последние почести от рук своего
подопечного, и, к тому-же, я использую
его билет на свободу для того, чтобы
самому вдохнуть ее сладкий аромат, так
что, это меньшее, что я могу сделать для
того, кто сделал столько для меня.
Крейсер не стал утруждать себя салютом для того,
чтобы почтить мою память, и я не был
особо расстроен, когда его хищный силуэт
быстро растворился в синем облаке
портала для рывка в гипере. Полагаю, это
значит, что я выхожу в отставку без
пенсии,- произнес я,улыбаясь. Я слышал

нечто подобное во время одной из своих
операций, которые мы проводили совместно
с регулярными частями, и мне показалось,
что ситуация подходит как нельзя лучше.
Мужчина коротко хохотнул- Ну ты захватил с собой
свое выходное пособие! Я перехватил
боязливый взгляд Кейси и улыбнулся ей-
Верно. а теперь я хочу как можно скорее
свалить из этой системы, если вы, конечно,
не против. Она сглотнула и произнесла-
Мне она нравится не больше, чем ты. И я
хочу напомнить, что я с самого начала
была против того, чтобы вообще браться
за эту работу! Сначала те шизики из
Фронта, теперь он- и ни следа тех кредов,
что нам обещал Кость!
Малыш серьезно отметил- Да, те парни были
стремными. У одного из них было ожерелье
из ушей! Мужчина, вероятно, приходившийся
этой парочке отцом, или опекуном, был
занят тем, что аккуратно уводил корабль
на безопасное расстояние от коллапсирующей
станции, которая уже распалась на три
больших части, медленно разрываемых на
более мелкие беспощадными лапами
гравитации, но нашел время для того,
чтобы отметить- Слушай я все ваши
предчувствия, мы бы еще сидели на том
куске грязи! А так у нас все еще шанс на
то, чтобы заработать!

Верно,-подхватил я,- Мне потребуются ваши связи
для того, чтобы реализовать содержимое
этого контейнера! Этим заявлением я
хотел заручиться поддержкой наемников,
которые должны были любить подобные
опасные деньги, но они, как один, молча
уставились на меня. Наконец, Кейси
выдавила из себя- Поправь меня, если я
ослышалась. Ты и вправду хочешь толкнуть
эту штуку? Я холодно посмотрел на нее и
таким-же тоном произнес- Возражения?
Мужчина оторвался от штурвала и осторожно
сказал- Единственные, кого могут
заинтересовать эти споры, это или парни
Фронта, сделка с которыми уже сорвалась.
Или военные. А их методы ведения дел

сидят в твоем кресле. И денег у них,
насколько я знаю, нет.

Мне очень не понравилось то, что я услышал,
ведь теперь, исходя их данной информации,
я вез с собой только проблемы и будущее,
что ранее казалось мне безоблачным,
теперь заволокли тучи. Вирус, спокойно
спящий в колбах в чреве контейнера,
мертвым грузом висел на моих плечах. Не
имея возможности быстро сбыть его с
рук, я буду таскать с собой эту атомную
бомбу и рано или поздно кто-то мозговитый
поймет, кто я такой, и я увижу крейсер
Федерации вновь. И на это раз они отправят
одну из своих машин смерти за МОЕЙ
головой.
Нервно проведя рукой по шее, я постарался скрыть
пробежавшие по коже холодные ручейки
и искривил губы в улыбке- Тогда вам
придется записать путевые расходы до
Льва на мой счет. Слегка подвинув пистолет
так, что бы он смотрел на стену меж
девушкой и малышом, я расслабленно
вздохнул и, зевнув, сообщил наемникам,
внимательно следящим за мной- Позвольте
рассказать вам кое-что о моих глазах.
Они открыты даже тогда, когда я сплю. И
если кто-то из вас сделает что-то глупое,
я тут-же прострелю ему колено. Так что
не шалите и все у нас будет окей. Мы
долетим до места назначения и расстанемся
навсегда. И это будет прекрасно. А сейчас
я немного подремлю и надеюсь проснуться
не от выстрела.
Они не ответили, но мне было все равно. Мой мозг
уже медленно скользнул в теплые воды
сна, наблюдая из глубины за тем, как
звезды за иллюминаторами расплываются
в белые дорожки при рывке в гипер, а
Кейси наклоняется вперед, чтобы убедиться
в том, что я заснул. Малыш поступает
также и мне приходится слегка дернуть
стволом пистолета, чтобы вернуть их на
места. Оба спешно вжимаются в свои
кресла, оставляя за собой размытое
ускорением пространство, а мой разум

плывет среди образов, что впечатались
в подсознание. Зеленый блеск глаз чужака,
истошно орущего в темноте, блестящие
черные зрачки обитателя той клетки, что
пришел мне на смену, фиолетовые губы и
россыпь стекла, сверкающая, как звезды,
упавшие на землю с небес.
Внезапно фальшивые звезды падают вниз, в глубины
разума, оставляя за собой белоснежные
трассы, а я смотрю на парящие надо мной
фиолетовые светила, горящие в потолке
кабины. Они становятся все ярче, пока я
не понимаю, что это глаза. Они смотрят
прямо на меня и все остальное уже не
имеет значения. А потом я обнаружил себя
сидящим на песке где-то далеко от всего,
что я знал ранее. Мое туловище было туго
обтянуто неизвестным мне материалом,
оставляя неприкрытыми лишь ступни с
руками, да голову, но я не ощущал
дискомфорта, скорее наоборот. У меня не
было оружия, не было и брони, но чувство
незащищенности ушло. Я сидел на телом
песке и, улыбаясь, прислушивался к
мелодии, приходящей откуда-то издалека.
Ее происхождение не имело значения,
ведь она была прекрасна и давала то, что
всегла искала некая часть меня- покой.
Но что-то омрачало это безмятежное бдение, в
котором я потерял счет времени, что-то
извне, зародившее недавно. И я начал
прислушиваться к растущей вдалеке тьме.
В легкой мелодии появилась легкая
дисгармония, ее составляющие были не
на своих местах, и этот хаос рос, принося
боль и смуту на место покоя и гармонии.
Хуже того, я видел что-то, копощащееся
в том песке, на котором я сидел. Подобно
змеям, эти твари рыли туннели там внизу,
плодились и умножали страдания этого
мира. И их песня становилась все громче,
разрывая мне барабанные перепонки, пока
не стала всепоглощающей и всеобъемлющей.
Я рванулся прочь, тщетно стараясь
пробудиться, и во тьме, окружающей все
вокруг, я встретил нечто с горящими
фиолетовым глазами. Оно источало свет,

едва уступающий звездам, и покой, что
разогнал темноту в моей душе. Крик
пожирателей исчез и мое тело рухнуло
на холодный песок.

И тут я понял, что смотрю на него сверху вниз,
вися в воздухе над двумя метрами мышц
и шрамов, затянутых в ободранный и
обожженный комбинезон, который венчала
заросшая черными волосами голова, ранее
принадлежавшая мне, как и татуировка с
группой крови и резус фактором, пятнавшая
своей чернотой ее шею. Это было мое тело!
Я запаниковал и попытался уцепиться за
то, что все происходящее, несомненно
является сном, но привычный метод
пробуждения через боль не срабатывал
более- ведь тела, что могло ее ощущать,
у меня более не было. И за отсутствием
легких, голосовых связок и рта, мой крик
отчаяния был безмолвен. Но он не остался
без ответа- из окружающего меня молчания
пришел новый голос. Он принадлежал тому,
чью мелодию я слышал чуть ранее, и я
мгновенно успокоился, ожидая того-же,
что было прежде- покоя и гармонии, но в
этот раз его музыка вызвала у меня лишь тревогу.
Более того, происходящее со мной явно было
делом его рук, и сама иррациональная
суть всего этого заставляла меня бояться
того, что случится далее. Раньше, будучи
обитателем этого тела, я мог противостоять
любому страху путем его физического
уничтожения, но в форме бестелесного
духа единственным моим оружием был
разум, который отчаянно цеплялся за
останки своей былой реальности, теряясь
все сильнее с каждой секундой.
А громкость мелодии все нарастала и
нарастала, пока я, пытающийся бороться
с ней путем отрицания реальности
происходящего, не увидел, как сам звук
обретает плоть среди звуковых волн,
расходящихся в стороны от небольшого
источника яркого света, что меняется с
каждой нотой, исходящей из его сердцевины
в этот мир. Светящаяся точка росла и

постепенно обрела форму высокого тощего
гуманоида, подробные черты которого
были скрыты слепящим светом. Но мои веки
остались на теле и я не мог отвернуться
от этого огня, выжигающего меня изнутри

У него не было рта, но звук его голоса, касающийся
меня, был прекрасен столь же, сколь и
печален, заставив забыть о ярком свете.
Плавные законченные мысли, перетекающие
по воздуху, разделяющему нас, контрастировали
с хаотичной музыкой, что его десятипалые
конечности извлекали из странного
музыкального инструмента, представляющему
собой нечто среднее между волынкой и
терменвоксом.
Из его монолога я узнал, что эта сущность,
именующая себя Дудочником, не существовала
вообще, в привычном смысле этого слова,
всегда паря меж измерений и обходя
законы бесчисленных вселенных, используя
волны своей музыки для того, чтобы
продолжать полет. Но недавно оно встретило
тех, кто смог прервать его странствие
и Дудочник был вынужден осесть в той
вселенной, что мы считаем своим домом.
И теперь он хотел того, чтобы я заставил
их замолчать так, как могу только я.
Почему именно я?- мой вопрос растаял в волнах
звука и я уже было собирался повторить
его, когда Дудочник ответил, выбросив
в пространство новую порцию музыки-
Потому что ты слушал. Я так и не понял,
что это означало, но задать еще один
вопрос не успел- дисгармония, присутствующая
практически в каждой ноте нынешней
мелодии, заглушила все мысли и Дудочник,
дернувшись и прижав руки к своей голове,
издал истошный вопль, мгновенно
выбросивший меня в реальность.
Пробудился я не так уж тихо и спокойно, сразу-же
компенсировав себе все то время, что не
мог орать от ужаса, да так, что Кейси и
малыш от неожиданности едва не вывалились
из своих кресел, а пилот сбился с курса,
чуть было не врезавшись в летящий по
соседству грузовоз. Сразу-же после этого

меня вырвало на спинку соседнего сиденья
и собственные колени, но скручивающие
живот под ремнями безопасности спазмы
не помешали обыденному вопросу- Мы...
уже... близко? (Мне приходилось делать
между словами паузы, чтобы не захлебнуться
своим скудным завтраком, рвущимся
наружу, но тон я умудрился выдержать
спокойным и деловым)
Через полчаса сядем,- коротко бросил пилот, а
после добавил- но тебе придется сойти
пораньше. В порту будет таможенный
досмотр, а бумаг, как я понимаю, у тебя
нет. Поэтому придется десантироваться
ниже линии радаров.
Малыш махнул ладонью около носа, после чего
засмеялся, натягивая шлем, явно чтобы
предоставить его фильтрам заботу о
вони, и Кейси поступила так-же,
предварительно бросив на меня убийственный
взгляд, а затем презрительно сообщила-
Надеюсь, ты не боишься острых предметов
и пиявок, солдатик. А то в том месте, куда
мы тебя сбросим, их будет полно.

Глава 11- Болота

Кейси не врала насчет пиявок- когда я махнул
наемникам рукой на прощание и бросил
мальцу его пистолет, то прыгнул вниз,
пролетев метров десять до мутной
поверхности реки, несущей свои грязные
воды меж не менее грязных берегов, и
плюхнулся глубоко в ил, в мое бедро
моментально впилась какая-то длинная
и скользкая тварь, что крепко присосалась
к коже сквозь комбез.
Я разделался с ней на берегу, правда ей
удалось выкачать из меня еще немного
крови в силу того, что на заваленном
мусором песке мое внимание переключилось
на новую угрозу- трехметровое зубастое
полено, которое я сперва принял за
поваленный ствол гнилого дерева, но
после того, как оно резво устремилось
ко мне, разинув розовый зев, наполненный
острыми желтыми зубами, сменил свое
мнение и выпустил в его голову очередь
из винтовки. Немного побарахтавшись в
песке, оно раскрасило песок красным и
стало тем, за что я его и принял поначалу.
И я спокойно использовал раскаленный
ствол оружия, чтобы прижечь голову
пиявке, и когда она, яростно зашипев,
упала на песок и попыталась уползти в
спасительные речные воды, разбил ей
голову ударом ботинка.
Она явно впрыскивала мне что-то, мешающее крови
свертываться, потому следующий ожог
достался уже моему бедру. Боль была
неожиданно слабой и я, ухмыльнувшись,
посчитал оставшиеся боеприпасы, после
чего двинулся вдоль русла, направляясь
к находящемуся довольно-таки далеко
заводу, местоположение которого выдавали
клубы черного дыма, ползущие по затянутому
облаками небу.
Я рассчитывал найти там одежду получше.
еду, и, при наиболее благоприятном
исходе, оружие, потому запихнул мысли
о том сне в самый дальний угол разума и

сосредоточился на более насущных
вопросах. Одним из которых был тот факт,
что мое лицо известно воякам Блока куда
лучше, чем мне бы того хотелось, и мое
присутствие может быть расценено ими,
как разведывательная миссия Федерации.
Что, в свою очередь, ведет к тому, что
меня станут искать целыми батальонами,
и это, не упоминая о том, что мои бывшие
хозяева также могут взять след.
Потому я сделал то, что пока-что казалось
наилучшим выходом- взял немного ила и
нанес на лицо и тело маскировочный
окрас, скрывший белизну моей кожи. Далее
я прикрыл ненужные выделяющиеся детали,
вроде геометрически-правильных форм
винтовки и контейнера с вирусом, обмоткой
из остатков моего комбеза, и остался
практически голым. Нагота меня не
смущала, но она могла сильно осложнить
контакт с местными, потому я оставил
себе некое подобие шорт и смело двинулся
вперед, время от времени осматриваясь
на предмет сородичей того полена.
Подобное окружение было мне не в новинку, потому
я оперативно среагировал на звук
приближающегося к моей текущей позиции
транспортного средства, шустро спрятавшись
среди кустов и приготовившись к возможной
атаке с воздуха. Но этот звук отличался
от мелодичного порыкивания «Ермака»-
юркого конвертоплана, которые массово
использовались для бытовых нужд на
подобных планетах Федерацией, он был
надрывным и шел с воды. А уже через
секунду его источник и сам вынырнул из
-за поворота, оказавшись приземистым
плавучим средством, приводимым в действие
большим винтом, закрепленным на корме.
На нем восседали два парня, вооруженных
винтовками, явно принадлежащие к
предыдущему поколению той модели, что
держал в руках я. На них не было брони,
что я, успевший плотно пообщаться с
местной фауной, нашел довольно-таки
смелым, но у одного на голове был весьма
продвинутый термосканер, которым он

крутил из стороны в сторону, без сомнения
ища того, кто сделал тот недавний выстрел.
Я едва сдержал улыбку- при таком буйстве
жизненных форм и жаре, нагревающей все
вокруг, он мог с таким же успехом искать
тепло моего тела на фоне огня, но, тем
не менее, аккуратно переместил
переключатель режимов стрельбы в
положение, отмеченное тремя белыми
точками- «Очереди по три патрона». Едва
этот тип сделает неверное движение- я
пущу его на корм пиявкам и сородичам
той штуки.
Но их пыхтящая лодка величественно проплыла
мимо и я, проводив ее взглядом, уже было
собирался выбираться из кустов, когда
из-за поворота появилось еще одно судно,
куда больше и медлительнее того первого.
Его приводили в движение три винта и
оно шумело так, что я едва слышал свои
мысли. Но мне все равно нужно было лишь
сидеть на попе ровно и не дергаться до
того момента, как и эта посудина исчезнет
из виду. Мелькнувшая у меня мысль получить
одежду, оружие и транспорт одним ударом,
быстро исчезла, едва я понял, что это
была за лодка.

Получив доступ к своим воспоминаниям, я невольно
расковырял много старых ран, открывших
много неприятных деталей о мире и о том,
что я принес в него. Одним из таких темных
секретов были операции по перевозке
астрономических количеств одурманивающего
вещества, известного и Федерации и Блоку
как «Поцелуй Бога». С помощью этой
жидкости Мундиры надеялись заручиться
поддержкой преступного элемента
пограничных систем Блока, но сделка
прошла не так, как они планировали. И
единственным положительным итогом этой
бойни стало то, что совместные усилия
Федерации и Блока избавили пограничье
от множества наркоторговцев.
И то,что я начал разбираться в том, как они
действуют. Эта планета была просто
идеальной для подобных операций-

отдаленная и, в силу агрессивности
среды, малообитаемая. Само собой, тут
был и космопорт и показательно ретивые
правоохранительные органы, впрочем,
редко показывающие свои органы за его
пределы. Ведь там царили совершенно
иные законы и охраняли их типы, подобные
тем, что я видел на тех лодках. Наемники
и наркоторговцы были истинными хозяевами
Льва 3 и я был весьма удивлен тому, что
доктор Тец так сюда рвался.

Но темные стороны его личности уже стали темой с
душком и я сосредоточился на том, что
сейчас было куда важнее, сняв со спины
контейнер с вирусом и поместив его в
укромное местечко меж корней довольно
приметного дерева. Дополнительно
зафиксировав его с помощью ремня
винтовки, я завалил все глиной и, осторожно
оглядевшись по сторонам, двинулся сквозь
заболоченный лес по направлению к
столбам дыма, стараясь идти параллельно
руслу реки и обходить виднеющиеся
кое-где поваленные древесные стволы,
похожие на тот, что пытался обмануть
меня прежде.
Скорость движения была низкой, даже несмотря на
то, что я шел, во всех смыслах этого
слова, налегке, потому до источника дыма
я добрался уже в сумерках. По пути я
успел вдоволь насладиться жарой,
выдавившей из моих пор минимум килограмм
пота, и даже смог чуть-чуть помахать
прикладом и ногами, уничтожая бегающих
по поверхности воды жуков, размером мне
с руку. В отличии от пауков, которые тут
были никак не меньше, эти твари решили,
что я могу стать их обедом, но вместо
этого я перекусил ими.
По крайней мере, я попытался откусить
немного резко пахнущей плоти, но желудок
не разделил мой порыв, тут-же выбросив
ее обратно, после чего я оставил тушки
жуков на милость спешно спустившихся
на пиршество с веток пауков. А сам отошел
на почтительное расстояние от

трапезничающих и, пробравшись сквозь
стену кустарника, которым обильно зарос
берег, уставился на находящиеся по ту
сторону грязной реки здания.
Они бы выдавались из окружающего ландшафта,
как сверкающий новенький холодильник
посреди чистого поля, но местная
растительность быстро поглощала все
на своем пути и огромные капоковые
деревья уже скрыли под своими стволами
многие приметные детали, а обитатели
комплекса, похоже, не собирались им
мешать. Вместо этого они сосредоточенно
разгружали лодки, перетаскивая мешки
с удобрениями на берег, где ждали
роботы-погрузчики. Они были слишком
тяжелы для архаичного деревянного
пирса, и потому эту работу делали за них
одетые в яркие оранжевые комбинезоны
люди.
Ходящие туда-сюда меж них вооруженные охранники
не выказывали оранжевым особого уважения,
вместо этого всячески им мешая и
бесжалостно колотя прикладами по спине
за малейшую оплошность, что натолкнуло
меня на мысль о том, что этот комплекс
вполне мог быть какой-то тюрьмой. Но
прежде я не слышал о подобной нерациональной
практике- строить исправительные
учреждения на окраинных планетах без
военных станций на орбите, потому
посвятил этой загадке несколько минут
своего времени, ломая голову над тем,
что-же это за место.
В реальный мир меня вернул треск дерева, раздавшийся
в опасной близости от моей текущей
позиции, и я, моментально вскинув
винтовку, прицелился в направлении
шума. В неверном свете закатывающегося
за горизонт светила я мог разобрать
лишь сгусток черноты, притаившийся у
корней дерева в десяти метрах от меня.
Ветер, треплющий листья по обе стороны
от меня, дул в сторону зверя и он явно
был озадачен незнакомой смесью запахов,
в которой был и ил, и оружейная смазка.
Я держал его корпус на прицеле, не ища

его взгляд своим. Мне не хотелось, чтобы
неизвестное существо решило, будто я
вызываю его на бой, потому я спокойно
сидел, держа его на мушке и не шевелясь,
ожидая ответного хода со стороны зверя.
Мы сидели неподвижно на протяжении целых десяти
минут и мне на краткий миг подумалось,
что все это лишь игра моего воображения
и никого в той стороне вообще нет, а
потом от тьмы у корней того дерева, под
которым затаился невидимка, отделился
длинный отросток, медленно прошедший
над землей и поднявшийся вверх. Он застыл
над телом животного и его кончик заходил
из стороны в сторону, словно ствол
оружия.
Я,медленно убрав указательный палец
правой с курка винтовки, переместил
его чуть выше и смахнул пот, заливающий
глаза, после чего спешно сморгнул и
вновь вернул палец на его рабочее место.
Мне не хотелось стрелять, тем более, что
разгрузка на том берегу уже закончилась,
насколько можно было судить по наступившей
тишине, и любой шум привлек бы нежелательное
внимание, но в этой игре участвовали
двое и я пытался понять, что именно хочет
мой оппонент.
В воздухе нарастало напряжение и я уже было
собирался сделать первый ход, слегка
отступив назад, чтобы дать зверю понять,
что я отступаю и не собираюсь претендовать
на его территорию, когда на той стороне
взвыли моторы. Лодки собирались
отправляться в обратный путь и их шум
заставил животное также сняться с места.
Черная тень негромко рыкнула и парой
быстрых прыжков растаяла в сумерках,
откуда я услышал удаляющийся прочь
плеск воды под ударами лап и, глубоко
вздохнув, вновь повернулся к реке и
отплывающим от причала лодкам.
Они уходили нагруженными даже сильнее, чем
приплыли- я заметил это по тому, как
осели в воде их борта, но охранников на
них было столько-же, сколько было и
раньше, что не могло не радовать. Чем

меньше солдат было у противника, тем больше у меня было шансов проникнуть на объект и выбраться оттуда живым. Мне на руку играло и то, что наступила ночь, под покровом которой можно было незамеченным перебраться через реку, чем я и занялся.

Глава 12- Завод

Вода была теплой и я не опасался того, что
схвачу судорогу на середине реки, потому
плыл в полную силу. Мускулатура у меня
была куда как сильнее, нежели у обычного
человека, и ленивое течение не смогло
снести меня в сторону от выбранного
курса, в отличии от тех зубастых существ,
что с наступлением ночи вышли на охоту.
Стрелять по ним было бы крайне
неосмотрительно, в связи с чем я старался
выдерживать дистанцию и делать крюки,
чтобы не шуметь.
В силу вышеуказанных обстоятельств я доплыл
до другого берега только через час и
выбрался на твердую землю весьма
измотанным. Тот факт, что я уже почти
сутки ничего не ел, резко дал о себе
знать и колени сами собой подогнулись,
уронив мое ослабленное тело прямо на
кучу ила. Тот щелчок, что я услышал
секунду спустя, наполнил мой разум тем,
что можно было бы назвать страхом, и на
некоторое время он метался по моему
сознанию, вгоняя тело в состояние паники.
Мина, активирующаяся от давления- вот
то, на что я опустился. обессиленный, с
мышцами, скрутившимися в узлы от спазма.
Шли минуты и мне удалось, наконец, вернуть
себе некое подобие контроля и трезво
оценить обстановку. Итак, я напоролся
на мину. Но то не было устройство
немедленного срабатывания и мои шансы
на то, чтобы уцелеть- весьма высоки. Я
сталкивался с ними во время боев за
окраинные колонии и всякий раз уходил
целехоньким. Но тогда при мне было куда
больше оборудования обнаружения и мои
ноги всегда ступали мимо этих мин. А
теперь все куда более туманно.
Пока я размышлял о раскладе, Вселенная решила
подкинуть в огонь дровишек- до моих ушей
донесся плеск и хлюпанье. Мне не надо
было оборачиваться, чтобы понять- одна
из этих здоровенных тварей, похожих на

гнилые бревна с зубами, выбралась на
берег неподалеку и намеревается мной
поужинать.

Винтовка была при мне, и один ее выстрел мог с
легкостью решить эту проблему, но вот
что делать с обитателями фабрики, которых
он поднимет в ружье? Это была крайне
неприятная дилемма, которая едва не
заставила мои мозги вскипеть, но потом
ситуация в очередной раз изменилась и
счет пошел на секунды. Я услышал еще
один щелчок, раздавшийся из-под лап
твари и понял, что теперь мне придется
сделать то, на что я, даже будучи в куда
лучшей форме, едва ли бы согласился.
Едва лапа существа соскочила с мины, как ее
корпус вылетел из земли и, уткнувшись
ему в брюхо, сдетонировал, громом
прокатившись по лесу. И тут-же я
по-лягущачьи отпрыгнул в сторону от
своей так, чтобы голова и позвоночник
оказались как можно дальше от взрыва.
Но все равно взрывная волна отбросила
меня вперед, а осколки сильно повредили
левую руку, которой я прикрыл ребра и
сердце. Мышцы взвыли сразу-же, как я
шлепнулся на траву, но меня отвлек звук
двигателя- охрана завода явно собиралась
осмотреть район взрыва.
Неподалеку вспыхнул прожектор и я спешно скатился
в канаву, оказавшуюся у меня под боком
и ударом приклада прикончил небольшое
мохнатое и зубастое существо, явно
намеревающееся отстоять свой дом,
впившись мне в руку. Пятно света прошло
совсем рядом и транспортное средство,
похожее на те, что я видел ранее, перелетело
через мою канаву, неся на своей спине
двух вооруженных пистолетами-пулеметами
охранников.
Сука,еще один гребаный крокодил!- злобно
проорал один из них, наведя луч прожектора
на тело твари. Второй спрыгнул на землю
и, вытащив из-за пояса широкое мачете,
сунул его крокодилу в пасть, после чего
вернул оружие в ножны и, повернувшись

к своему напарнику, спросил- Это уже
седьмой за неделю? Тот сплюнул и,
приложившись к фляге, сплюнул еще раз,
а потом сообщил- Да какая нахрен разница?
Ставь новую мину и поехали отсюда! Мне
москиты уже весь зад искусали!
Второй оскалил зубы, явно желая как-то
прокомментировать заявление своего
приятеля, но потом пожал плечами и,
аккуратно спустив на землю свой рюкзак,
достал оттуда сферу с торчащими сверху
усиками и сунул ее в углубление в земле.
А потом запрыгнул обратно в лодку и,
выхватив у первого флягу, также приложился
к ней.

Он пил шумно, явно наслаждаясь ее содержимым,
а его напарник был слишком поглощен
тем, что следил за тем, как бы тот не
выхлебал все, потому я смог подойти к
ним незамеченным и отправил одного из
них подремать хорошим ударом приклада
по затылку, а второй получил удар ногой
в грудь и слетев с лодки, приземлился
спиной прямо на мину.
Не дергайся, иначе умрешь- сообщил я лежащему
на земле с испуганным видом бойцу.
Прожектор бил ему прямо в лицо, скрывая
тот факт, что я вооружен, и мне пришлось
передернуть затвор винтовки, чтобы
добавить моим словам веса. Лязг металла
заставил его поднять руки, на что я
довольно кивнул и начал допрос- Сколько
бойцов на заводе? Парень сморгнул и
озадаченно протянул- Че? Я мельком глянул
в сторону его приятеля, мирно дрыхнущего
поперек лодки и перефразировал свой
вопрос- Вооруженные люди на этом объекте.
Сколько их?

Аааа,-протянул он и, не задумываясь, ответил-
Двенадцать. Я покачал головой, обмозговывая
услышанное, после чего уточнил- Считая
вас? Паренек кивнул и спросил- П ты кто?
Один из парней Морено? Ткнув его в ногу
стволом винтовки, я холодно произнес-
Я тут задаю вопросы. Отстегни свое мачете

и брось его мне. Медленно и аккуратно-
помни о том, что лежишь на противопехотной
мине.
Парень сглотнул и, бросив мне ножны, вновь
вскинул руки над головой, на что я
довольно сообщил- Молодец. А теперь
скажи мне, сколько человек из этой дюжины
находится в административном корпусе?
Он вновь недоуменно вылупил зенки, и я,
удрученно вздохнув, уточнил- Здание,
где много столов, стульев и инфопанелей.
Мой недалекий собеседник обрадованно
кивнул- А, это! Там постоянно находятся
только Слэйд и Карвер. Я приглушил свет
прожектора и, проверив- лежит ли еще его
приятель без сознания, вернулся к
разговору- Итого двое, да?
Да,только они крутые,- ухмыльнулся боец,-
Слэйд был в коммандос, а Карвер в каких-то
силах обороны. Каждый стоит пятерых!
Это была занятная информация, потому
мне прищлось вновь обдумать план своих
действий и те вопросы, на которые мне
нужно знать ответы. Все, что услышал, я
умножал на два и в худшую сторону- в силу
того, что мой источник информации был
не самым надежным, потому теперь ситуация
требовала того, чтобы я действовал
быстро.
Парню в лицо светил прожектор, потому он не
успел блокировать выпад моего приклада
и удар вырубил его. Разумеется, я мог
его прикончить, но после того, как он
так любезно поделился со мной информацией,
это убийство не казалось хорошей идеей.
Потому я оставил его на земле, а сам
устроил его напарника на сиденье рядом
с собой и направил лодку к административному
корпусу. Если там есть охрана, то лучше
им видеть два силуэта на лодке до того
самого момента, как я ясно дам им понять,
что один из них принадлежит не их
подельнику.
Чем ближе лодка приближалась ко входу, тем
более опасной казалась мне идея, но,
когда один из двух бойцов, стерегущих
его, поднял руку, чтобы закрыться ей от

света прожектора, который я специально
держал включенным и направленным на
них, и проорал- «Выруби фонари, бля, а не
то засуну их тебе в задницу!», мне
оставалось только вырубить прожектор
и на полном ходу наехать на них, как
следует приложив бортом лодки.
Один из них, тот, кому не понравился свет, смог
устоять на ногах и даже успел вскинуть
в моем направлении свою винтовку, но я
не дал ему выстрелить, прыжком оказавшись
рядом и всадив мачете глубоко в плоть
между его шеей и плечом. На его бледном
лице застыло удивление, которое он унес
с собой в могилу, а затем я вытащил лезвие
и из раны хлынула кровь, кажущаяся черной
в свете фонарей над входом. Почему-то
ее бульканье заставило меня замереть,
не думая ни о чем, и лишь завороженно
пялясь на черную лужу, медленно обтекающую
мои ботинки. И я едва не проморгал
требовательный запрос, доносящийся из
раций, расположенных на рукавах курток
охраны- Ну, какого хрена у вас там
творится, дебилы? Докладывайте, мать
вашу!

Это,весьма вероятно, был либо Слэйд, либо
Карвер, потому от меня требовалось
немедленно ответить ему и сделать это
так, чтобы у него не возникло подозрений.
А я слышал обыденный треп только от
одного из его парней, потому мог ответить
только так- Еще один гребаный крокодил,
босс! Слэйд (либо Карвер) на это только
яростно выругался и добавив «Сраная
планета! Даже посрать в тишине не даст!»,
отключился, а я, обезоружив охранников,
двинулся внутрь здания, воспользовавшись
пропусков одного из них. Я не оставил
им оружия, сломав то, что не мог взять с
собой, и прихватил даже одну из мин,
установив ее на входе, на тот случай,
если меня попытаются окружить.
Но первый уровень был пуст и я беспрепятственно
поднялся по лестнице, откуда попал в
коридор, освещаемый тусклым светом

ламп, работающих, как минимум, только
на половину мощности. Они едва доставали
пол, потому я двигался медленно и
осторожно, опасаясь чего-нибудь вроде
мин-ловушек. Все мое внимание было
сосредоточено на полу и ногах, потому
когда в стену слева от меня что-то
ударилось, я едва-едва удержался от
того, чтобы не выстрелить вслепую.
Тем самым я сэкономил себе пулю и тактическое
преимущество, ведь тот, кто находился
по ту сторону стены, оказавшейся
прозрачной дверью чего-то наподобие
тюремной камеры, не был способен причинить
мне вред, более того, скорее был со мной
на одной стороне. Выбритая практически
налысо высокая брюнетка, на теле которой
было еще меньше одежды, чем на мне,
внимательно смотрела на меня сквозь
стенку удивленным взглядом. А тут было
чему удивиться- посреди стерильно белого
коридора стоял практически голый
здоровяк, облепленный грязью и кровью,
вперемешку с илом и увешанный оружием.
Но в ее взгляде не было испуга, скорее,
нечто, напоминающее надежду, потому я
выдал ей свою лучшую улыбку, на что она
тут же отреагировала, указав рукой в
сторону двери, ведущей к тому, что я мог
бы назвать штабом Слэйда (Или же Карвера),
и показав два пальца.
Я вновь улыбнулся ей и кивнул, показывая, что
понял ее предупреждение о том, что с той
стороны меня ожидают два противника, и
в ответ она показала на панель открытия
дверей камер, расположенную на стенке
меж них. Я покачал головой и указал на
ошейник, который туго обтягивал ее шею.
Такие штуки использовали работорговцы
на большинстве миров, где промышляли
подобным, и они всегла содержали в себе
нечто смертельное для носителя. Либо
яд, либо взрывчатку. Брюнетка резко
ударила кулаком в стекло и произнесла
что-то похожее на «твою жеж мать», на
что я только ободряюще улыбнулся ей и
сложив пальцы свободной руки так, будто

бы они обхватывали детонатор ошейника,
придавил их большим пальцем и, повторив
этот жест несколько раз, поднял брови
в немом вопросе.
На этот раз надежда в ее взгляде разгорелась с
новой силой и ее палец вновь указал на
дверь. Я кивнул ей и решительно двинулся
вперед, но уже у самых створок, замер и
опустил руку, протянутую к панели
открытия дверей. Что-то было не так.
Здесь,на поле боя, побед может быть сколько
угодно, но поражение- оно будет первым
и последним. Я зашел так далеко лишь
потому, что мне очень хорошо известен
этот факт. И потому-то я и замер, не спеша
открывать двери, а вместо этого занявшись
ее внимательным осмотром. Весьма
вероятно, что где-то тут находится
скрытая камера для наблюдения за
узниками, и Слэйд (Или-же Карвер) знает,
что тут находится чужак. И единственной
причиной тому, что я не слышу топота
несущегося на помощь своему вождю
многочисленного подкрепления, является
какая-то система защиты, ждущая того,
чтобы я открыл эту дверь, для моего
моментального уничтожения.
Это могла быть бомба, или газ, или-же скрытые
в стенах излучатели- я встречал много
таких штук и многие подобные встречи
оставили на коже шрамы, потому-то мне
не особо хотелось действовать вслепую.
Закончив с осмотром обманчиво заурядных
панелей вокруг двери, я мельком осмотрел
свои трофеи на предмет подсказок и
похвалил себя за осмотрительность- у
одного из бойцов и впрямь был некий
прибор, который при приближении к двери
начал мигать, меняя интенсивность,
словно-бы передавая код.
Предназначение этого куска пластика стало очевидным
не только мне и теперь нужно было держать
ухо востро, ведь с минуты на минуту
Слэйд-или-Карвер сделают свой ход. Но
угроза пришла с другой стороны- двери
камер внезапно открылись и мне в нос
ударил стойкий запах нечистот и страха-

узники освободились. Брюнетка сразу-же кинулась мимо меня, к девушке, находившейся в камере через две от нее, и крепко обняла ее. А потом ошейники на шеях девушек замигали и все присутствующие услышали голос из динамиков, расположенных в углах камер- Неплохо, приятель! Мины, крокодилы, мои воины- все позади и теперь между тобой и мной стоят лишь... Сучки! Убейте его и те, кто останется в живых- получат свободу! А если не станете драться- ошейники вас прикончат! Выбирайте- возможная смерть и свобода, или же гибель наверняка!

Глава 13- Лучший

В подобных ситуациях цена каждой секунды промедления
может стать слишком высокой, потому я
не мог дожидаться того, что решат
обитательницы клеток, переглядывающиеся
меж собой, и, хлопнув по панели,
ответственной за открытие двери, навел
на них оружие и прорычал- Назад! Обычно,
когда такое заявление делает свирепо
выглядящий громила, наставивший на вас
оружие, вы склонны подчиниться, но в
этом случае не было ничего обычного, и
девушки с воплями кинулись вперед,
твердо решив умереть за призрачный шанс
на свободу.
Двери за спиной открылись весьма вовремя и
мне пришлось отвесить лишь пару легких
ударов, раскидавших ослабевших от
заточения нападавщих по сторонам, перед
тем, как удалось отступить из этого
помещения в темноту следующего и
заблокировать за собой вход, разнеся
панель вдребезги ударом приклада. С
облегчением вздохнув, я развернулся и
лицом к лицу встретил осветивший тьму
заряд плазмы, словно в замедленной
съемке пролетевший сквозь мое левое
плечо и с шипением вгрызшийся в металл
дверей. Я хорошо разглядел его ровное
белое пламя, откатываясь в сторону и
ища укрытие. Чем оружие, использующее
плазму, и хорошо, так это тем, что рана
уже будет равномерно прижжена, и, если
ты пережил попадание и оно не пришлось
в жизненно важные органы, то вполне
сможешь сражаться дальше.
Сражаться, сражаться и еще раз сражаться. Это я
умел, в отличие от стрелка с излучателем,
явно не знающего, что после выстрела,
демаскирующего твою позицию, ее следует
сменить. Это стоило ему жизни, но едва
я, уложив его выстрелом в голову из
винтовки, вновь нырнул за прикрытие
гудящего шкафа с каким-то компьютерным
оборудованием, как к моим ногам подкатилось

что-то круглое и тут-же сработало, на
доли секунды вырвав ослепительным белым
светом все детали интерьера вокруг.
Сперва не опознав световую гранату, я,
уже не успевающий отскочить в сторону,
просто закрылся винтовкой, прикрыв
глаза, и вспышка почти не задела меня,
но вот тем, кто таился в темноте, этого
было знать не обязательно, и я с шумом
рванулся вбок, притворившись, будто
ослеп, и то и дело показываясь из-за
прикрытия.
И они клюнули, выскочив из укрытий и осветив
темноту трассами очередей, крушащих
все вокруг. Краем глаза я заметил, как
минимум, троих стрелков, и продолжил
нестись вперед, в темноте то и дело
натыкаясь на столы и офисные кресла и
разбрасывая их, словно грузовик-
легковушки. Уже пробежав половину
расстояния до угла, выводящего меня на
одну линию со стреляющими, я резко
вскинул винтовку и, не целясь, дал по
ним короткую очередь вслепую, частично
ушедшую в потолок, а частично- в голову
одному из стрелков, с воплем рухнувшего
на пол. Его оружие продолжало стрелять
и, без контроля владельца, видимо, решило
уравновесить шансы в этой перестрелке,
уйдя вбок и вместо меня продырявив
одного из его приятелей.

Последний оставшийся в живых, выпустил в мою
сторону еще одну очередь, после чего
затих. Как и я, укрывшийся неподалеку
от него, под защитой перегородки, в
прежние времена служащей для создания
иллюзии личного пространства. В помещении
остался только гул работающих систем
вентиляции и охлаждения, да потрескивание
частично выведенной из строя электроники,
своей аритмичностью мешающие мне
вычленить из общего фона звуки, относящиеся
к перемещению моего оппонента. И
практически способствующие тому, что
меня бы убили, если бы не человеческий
фактор- стрелок, уже подкравшийся ко

мне со спины, носил на себе что-то
металлическое и позвякивающее.

Я добавил его организму металла, вскочив
и всадив очередь прямо в разделяющую
нас со стрелком перегородку, проделав
в ней ряд аккуратных дырок, а затем
ударом ноги толкнул ее вперед, повалив
на пол. Но все эти пули достались только
мебели, да воздуху за ней, а последний
из обороняющих помещение бойцов
невредимым выскочил из темноты сбоку
и попытался насадить меня на нож. Уж не
знаю, чем он там думал, но ему определенно
удалось застать меня врасплох и я, после
того, как в последний момент блокировал
выпад его ножа снизу прикладом своей
винтовки, получил сильный удар правой
по лицу и, на пару секунд потеряв
ориентацию в пространстве, позволил
врагу полоснуть себя лезвием по руке.
Раны на моем теле заживают куда быстрее, чем
у обычных Homo Sapiens, новсему же есть предел и мне пришлось
отступить, попутно выпустив в сторону
стрелка очередь вслепую, которая, судя
по всему, цели не достигла, ведь он целым
и невредимым вынырнул с правого фланга
и в прыжке повалил меня на пол рядом со
стеной, всадив нож прямо в рану от
излучателя. Вот тут я и зарычал от боли
и ярости, заставив нависшего надо мной
противника злобно засмеяться- Не больно
то ты и крут, ушлепок!
Блокировав нож своей левой, я скривился от боли и,
схватив его за волосы, с силой ударил
головой об стену, а потом еще раз и еще,
ощущая пальцами, как поддается череп.
Что-то теплое, скорее всего, кровь,
капнуло мне на лицо и хватка рук противника
на рукояти ножа ослабла, позволив моей
левой вытащить его и использовать против
бывшего владельца, быстро всадив
окровавленную сталь ему в шею, закончив,
тем самым, наш бой. Не без труда сбросив
его с себя, я поправил ремень винтовки,
чуть не сломавший мне шею при падении,
и уже было собирался подняться на ноги,

когда услышал визг металла и, обернувшись, увидел, как меж створками дверей, разделяющих нас с узницами, пробивается тонкая, то и дело исчезающая, полоска света. Девушки явно были настроены серьезно и мне тоже следовало действовать в сходной манере..

Вскочив на ноги, я сделал это слишком резко и, поскользнувшись на крови, натекшей подо мной небольшой лужицей, вновь повалился на пол, не сумев сгруппироваться как следует и выронив винтовку. Мое тело внезапно оказалось чужим и абсолютно лишенным всякого контроля- лишь для того, чтобы дотянуться ослабевшими руками до оружия и схватить его вновь, потребовалась целая минута. Голова раскалывалась на части, а каждый сантиметр тела бил озноб, но я справился с собой и, подхватив винтовку, послал очередь в направлении открывающейся двери, за которой мелькали силуэты, вооруженные всем, что под руку попадется.

Пули с визгом срикошетили от металла дверей и те вновь закрылись, отрезав меня от преследовательниц, и позволив провести еще пару минут в относительном покое. Относительном, поскольку озноб и мигрень никуда не делись, мешая сосредоточиться на том, что сейчас являлось наиболее важным- на выживании. Не было сомнений в том, что все эти симптомы лишь усугубятся со временем, и, несмотря на то, что бы их не вызывало- климат, раны или общее истощенное состояние моего организма, мне надо взять себя в руки и двигаться вперед.

Я продолжал уговаривать себя вновь взять в руки оружие и встать с грязного от ила и крови пола, когда знакомый звук неосторожно шаркнувшего о стену ботинка, раздавшийся совсем рядом, моментально поставил меня на ноги и заставил выбросить вперед ладони, отклонившие дуло наведенного в мою сторону оружия так, что выстрел ушел в стену. А затем я воткнул локоть в лицо владельца дробовика

и был неприятно удивлен тем, что он носил
нечто вроде металлического забрала.
Которое незамедлительно качнулось
вперед, боднув меня в висок и ободрав
кожу.
Не разжимая захват на цевье дробовика, я
резко дернул им вниз и от себя, после
чего вывернул дуло и попытался всадить
противнику порцию дроби прямо в лицо,
но тот явно уже видел такие приемчики
и, отпустив рукоять, ухватился за ремень
оружия и оттолкнул меня назад. Выстрел,
разбивший пару потолочных ламп, на
мгновение осветил владельца оружия- не
уступающего мне ростом мужика, закованного
в армейскую броню, окрашенную в дикие
цвета, от кислотно-зеленого до фиолетового,
и вооруженного множеством самых
разнообразных стволов, закрепленных
на боках, груди и бедрах его бронекостюма.
Забрало с надписью «От--бись»слегка наклонилось вбок и я, моргаяпосле той вспышки, и все еще мертвой
хваткой вцепившийся в дробовик, увидел
во вновь вступившей в свои права темноте
небольшие огоньки на его рукояти. Для
пользования этой штукой требовался
идентификационный чип и я, в последний
раз с силой дернув оружие на себя,
заставил удерживающего его здоровяка
наклониться вперед. А затем ударил его
рукоятью прямо в незащищенный участок
меж забралом и шеей, после чего отпрыгнул
назад и, найдя винтовку, уже было начал
поворачиваться в сторону противника.
Но тот восстановился куда быстрее и в
ту секунду, когда мое тело повернулось
и винтовка выпустила очередь, он провел
впечатляющий рывок, пройдя ниже пуль.
От удара в грудь мое оружие вылетело из
рук, а воздух- из груди, а потом мой
противник протащил меня сквозь зал,
ломая мной, как тараном, все столы и
перегородки, что мог найти.
Когда вокруг не осталось ничего, во что можно
было бы врезаться, он скинул меня на пол
и, без излишнего почтения, пнул ногой,
после чего вытащил одну из своих пушек

и произнес первые за все время слова- А
сейчас ты сдохнешь. Но сперва скажи мне
одну вещь. Я сплюнул кровь на пол и, с
трудом вытянувшись на спине, выдавил
из себя- И какую-же?

Здоровяк,нависший надо мной, медленно наклонился
вперед и , поставив одну ногу мне на
грудь, прорычал- Ты и впрямь думал, что
сможешь поиметь Слэйда Уорлока?

Сплюнув на пол немного крови и что-то, ощущающееся
как сломанный зуб, я разжал пальцы и
скобы безопасности, снятые моими руками
с гранат, закрепленных на поясе брони
Слэйда, в то время, как он «катал» меня
по залу, разлетелись в разные стороны
с мелодичным позвякиванием. Уорлок, в
шлем которого явно было встроено нечто
вроде прибора ночного видения, также
заметил это и с яростным рыком дернул
руками к поясу и оружию на нем. Но я,
собрав все свои силы воедино, резко
дернулся вбок, сбросив ногу наемника и
заставив его потерять равновесие. Я не
собирался рисковать, пытаясь свалить
этого быка голыми руками, тем более что
взрыватели гранат уже отсчитывали
последние секунды его жизни, потому
просто катился вперед, по пути подхватив
свою винтовку.
Уорлок таки смог выстрелить, но хлопок его
пистолета утонул во взрыве, сопровождающемся
очередной вспышкой. Я за свою жизнь был
в подобных ситуациях слишком часто,
чтобы ждать взрывной волны и щрапнели
вне укрытия, пусть и столь ненадежного,
как куски перегородок и столов. Когда
волна раскаленного воздуха прошла мимо,
я быстро раскидал горящий пластик и
фанеру так, чтобы пробраться по их
сохранившимся в целости частям через
островки огня, образовавшегося после
взрывов зажигательных гранат, и парой
прыжков преодолел опасный участок,
добравшись до обгоревшей до костей туши
Слэйда. Его забрало все так-же скалилось

в мою сторону, практически не пострадавшее
от огня, потому я, повинуясь какому-то
нелепому, но столь-же непреодолимому,
порыву, обмотал руку тряпкой и попытался
снять его с тела. Оно оказалось частью
шлема, и мне пришлось снять и его, что
оказалось весьма нетривиальной задачей,
ведь к его внутренни стенкам прилипла
обгоревшая плоть и волосы.
Когда я, наконец, справился, и содрал с башки
наемника свой законный трофей, в нос
ударила ужасающая вонь, напомнившая о
событиях на спутниках Глизе, и мое лицо
скривилось, но не от запаха, а от тех
картин, что он принес с собой: звездолеты
Блока, плюющиеся с неба капсулами с
горючей смесью, бурно реагирующей на
кислород; огонь, что невозможно было
потушить ни водой, ни порошками; горящие
люди, горящие дети; Когти, также попавшие
под обстрел, но продолжающие вести огонь
с поверхности планеты; мои руки, объятые
огнем. Последняя картинка была слишком
живой и я словно вновь ощутил эту боль,
услышал крик каждого умирающего
рецептора, стискивая ставшие совсем
тонкими без кожи и большей части мяса
кисти рук.
Горячий металл шлема обжег мне руку даже сквозь
ткань и я с воплем выронил его, отчасти
благодарный боли за то, что вырвала меня
из кошмарных воспоминаний, а потом с
силой пнул, отбросив шлем обратно в
огонь, где ему было самое место. Уставившись
на языки пламени, яростно лижущие пластик
и изоляцию, я с трудом отвел взгляд в
сторону и, подавив тремор в руках,
проверил наличие патрона в патроннике
винтовки. Этот бой еще не закончен.

Глава 14- Очищение

У меня было не так уж много времени, потому
все мои действия базировались скорее
на инстинктах, нежели на том, что мог
подсказать прошлый опыт. Любая разведка
теряла любой смысл- я просто шагал вперед
и искал того, кто попытается меня убить.
Преодолев коридор, я замер перед дверями
в новое помещение, где и застыл, собираясь
с духом. Все накопившие на теле повреждения
и голод все сильнее говорили о том, что
мне стоит остановиться и что-то сделать,
дабы сбить кризис. Но вот этого-то я как
раз сделать и не мог.
Все эти неприятные ощущения сильно замедлили
мою реакцию, но в ту секунду, когда
металл передо мной разделился на две
аккуратные половинки, мои ноги сделали
то, что должны были, бросив тело вбок, в
сторону от вероятной атаки. Но ничего
не произошло, как и в тот момент, когда
я смог собраться с силами и выкатиться
из угла, держа винтовку наготове.

Не было ни выстрелов, ни вспышек светошумовых
гранат- только тишина, ставшая практически
оглушающей за те полминуты, что я лежал
в тени полураскрытых створок, ожидая
сам не зная чего. Ее нарушил звук, что я
ну никак не ожидал услышать- покашливания
и спокойного голоса, приглашающего меня
зайти внутрь и поговорить. Все вновь
затихло и я, осторожно заглянув внутрь
из-за двери, осторожно поднялся и, держа
винтовку так, чтобы иметь возможность
быстро выстрелить, пусть даже и от бедра,
прошел внутрь.
Усталость, должно быть, сковывала мой мозг куда
сильнее, нежели тело, поскольку та мысль,
что двери могут оставаться открытыми
так долго лишь при том условии, что
кто-то стоит около них и держит нажимную
пластину, проскользнула сквозь него
холодным пальцем по спине лишь тогда,
когда этот «кто-то» атаковал меня.

Человек, которому принадлежал голос,
услышанный мной ранее, сидел за столом
неподалеку и что-то яростно крикнул
нападавшему, но было уже поздно- мы с
ним сцепились.
Он не уступал мне в росте и силе и носил весьма
изящный бронекостюм, прикрывающий
большую часть тела пластинами из
серебристого металла, но ключевым словом
тут было «большую», потому, пусть даже
ему и удалось выбить винтовку у меня из
рук той первой неожиданной атакой, исход
сражения уже был предопределен. Костюм
вкладывал в каждый удар его кулаков и
ног дополнительный вес, но замедлял
движения, чем я и воспользовался. Нож
все еще был при мне, потому, забыв про
лежащую неподалеку винтовку и пистолет
на столе, явно принадлежащий Разговорчивому
(Так я покамест называл второго, не
делающего никаких попыток помочь своему
приятелю, и вместо этого с интересом
рассматривающего меня), я сосредоточился
на уязвимых точках противника.
Его торс был вне досягаемости, ну, за исключением
подмышек, но атаковать их в первую
очередь я не рискнул бы- уж слишком велик
риск лишиться оружия, а потом огрести
по полной. Сперва было необходимо что-то
сделать с его попытками зажать меня в
угол, потому я ушел от довольно неуклюжей
попытки захвата и, зайдя сзади, ударил
противника под колено, заставив потерять
равновесие и опуститься на пол.
Его шлем защищал практически все уязвимые участки
шеи и горло, но не имел системы жесткой
фиксации, защитившей носителя от резких
поворотов и рывков. Фатальная уязвимость.
Одной рукой я ухватил его за кромку
шлема спереди,а второй- крепко зафиксировал
затылок, и быстро повернул на девяноста
градусов, с хрустом сломав противнику
шею.
Позорище,-произнес Разговорчивый, сплюнув на пол,
куда отправилось бездыханное тело его
сотоварища, а затем поднял вверх руки
и улыбнулся мне неприятной улыбочкой,

показывая, что безвреден. Его руки
оставались там до тех пор, пока я не
плюхнулся на стул напротив него и,
подобрав пистолет, не навел на него со
словами- Отключи ошейники, живо!
Улыбка Разговорчивого стала еще шире, обнажив
его ровные белые зубы- Не надо горячиться,
иначе тем шлюшкам не жить. Медленным и
плавным движением он закатал рукав
своей куртки, показав мне сидящее у него
на запястье устройство, похожее на
крупного, в ладонь, серебряного паука,
впившегося всеми восемью ножками в
белую плоть его руки- Покуда я жив,
ошейники не сработают, а вот, если я
умру... Тогда все будет прямо как в сказке-
и были они все счастливы и умерли в один
день! Он хохотнул и показал на второй
стул, напротив него, явно дожидающийся
меня- Присаживайся, давай поговорим о
грядущем!
Усевшись,я опер руку с пистолетом об стол и
произнес- У нас нет грядущего. Мужчина,
а он оказался намного старше, чем я
сперва решил, хитро сузил глаза и
осторожно произнес- А могло бы быть! Ты
освободил много вакансий на моем
предприятии, в том числе и должность
моего CEO. Он неприязненно поглядел на лежащее на
полу тело, после чего вновь уставился
на меня- И теперь я хочу, чтобы ты занял
его место!
Какая-то часть меня, слишком громкая, чтобы
оставаться в тени и молчать, обрадованно
завопила, радуясь тому, что жизнь может
вновь вернуться в привычную колею, но
другая черным покрывалом накрыла ее
мертвой тишиной, оставив меня наедине
с тягостными воспоминаниями. Когда-то
я уже сказал «да», когда следовало бы
проорать «нет, мать вашу!», но теперь я
так не ошибусь!
Мой палец побелел на курке, когда я нажал
на спуск, но пистолет только сухо щелкнул,
а сидящий напротив меня человек холодным
тоном произнес, смотря в дуло оружия-
Кажется, мне все-таки придется искать

таланты в другом месте.
Теперь его лицо не выражало ничего, в отличии от хищного оскала рта и движений, выдающих опытного старого бойца- его руки привычным мне по многим и многим боям в ограниченном пространстве жестом попытались вырвать у меня оружие, но мои ладони ускользали от его захвата, а ствол пистолета сновал из стороны в сторону, пока я, в свою очередь, силился нанести им удар по чувствительным местам запястий противника.
Его пальцы танцевали около моих запястий, пока он пытался выхватить у меня свой пистолет. Мы оба перегнулись через стол, отчаянно фехтуя предплечьями и меряясь взглядами- горящие бешеным огнем глаза моего противника резко контрастировали с его неприятной холодной усмешкой.
Мое же лицо не выражало ничего, что могло бы дать ему хоть какую-то подсказку насчет того, что будет дальше.
Не переставая вращать пистолетом вокруг его запястья, я надавил на кнопку выброса обоймы и серебристый корпус магазина стремительно пронесся мимо лица наемника.
Он не ожидал такого и на секунду стрельнул глазами влево, и потому мой следующий ход застал его врасплох. Пистолет в моей руке внезапно дернулся влево и рукоятка впилась в скулу наемника с ласкающим мой слух хрустом. Мой оппонент не успел даже скривиться от боли, а я уже отскочил назад и с силой ударил ботинком по краю стола, вдавив его в живот наемника.
Или я так думал, поскольку следующим, что я увидел после того, как стол отошел назад от удара, был серебристый носок ботинка военного образца, летящий мне в челюсть.
Наемник оказался куда крепче, чем я полагал, быстро оправившись от удара и перекатившись через стол в тот самый момент, когда я нанес тот удар. И теперь он пытался достать меня высоким ударом ноги. Зря.
Разворачиваясь для блока и последовавшего бы за ним

броска, я заметил несущийся сбоку нож
в самый последний момент. Все, что я смог
сделать, так это слегка развернуть корпус,
позволив клинку только разрезать мясо
у меня на боку, а потому, еще чуть-чуть
повернуться и, достав нож из раны, всадить
его моему оппоненту в горло. Я
беспрепятственно развернулся, но там,
где я рассчитывал найти и врага и его
уязвимое место, не было никого.

А через долю секунды я услышал за своей спиной
странный звук и нечто тонкое и
бритвенно-острое сдавило мне шею, оставив
рефлексам и инстинктам крошечные доли
секунды до того, как алмазное напыление
срежет мою голову с плеч. В моей руке
все еще был нож и я, не особо изящно
завалившись вниз, выбросив из-под себя
обе ноги, а затем просто вскинул ее
вверх, всадив лезвие в грудь наемника
по самую рукоять.
Пару секунд ничего не происходило, за
исключением того, что мои рефлексы бурно
праздновали тот факт, что голова все
еще крепко сидит на плечах, а потом
сверху на мою макушку капнуло что-то
теплое и тело наемника осело на пол. Он
был мертв и, как я только теперь осознал,
те люди тоже. Новое чувство проснулось
в моей груди и до того, как я смог собраться
и сказать уже привычное «Уж лучше они,
чем я», что-то теплое прокатилось по
моей щеке и, оставляя за собой влажную
дорожку, опустилось к уголку рта,
отозвавшись неприятно соленым вкусом.

Я коснулся рта и увидел на своих перемазанных
копотью и кровью пальцах чистый участок.
И внезапно все, что осталось от стен,
возведенных годами жестокости и насилия,
рухнуло, освободив человека, что был
скован ими до того момента. Имени этому
ощущению я не давал, но оно не было мне
по вкусу. Соленая вода текла по щекам,
пока я пытался собраться, но воспоминания
могучим приливом разрушали песочные

замки, возводимые мной и я сдался,
скорчившись на окровавленном полу и
отдавшись им на милость.
Какого черта?....- растерянный вопрос, пришедший
извне, мгновенно подбросил меня вверх
и я, сквозь глаза, что все еще немилосердно
щипала соленая вода, уставился на
появившихся из дверей людей. Они были
одеты в еще более меньшее количество
одежды, нежели я, но вооружены, потому
я быстро сгруппировался и попытался
нащупать рукой нож.
Но он все еще торчал в груди того мужчины и я
проклял себя за то, что позволил внезапно
накатившим эмоциям взять над собой
верх.
Эй, он убил их! Эти сволочи мертвы!- воскликнул
кто-то из столпившихся у входа и оружие
в их руках дрогнуло и опустилось. А
ошейники?- спросил его другой, на что
ответил уже я. Собравшись с силами, я
снял с шеи тот дешифратор, с помощью
которого преодолел главные двери и
бросил его в сторону толпы, а затем
сообщил- Устройство подавляет сигнал.
Ошейники теперь безвредны.
То-есть мы теперь свободны?- неуверенно произнес
тонкий голос и более высокий и уверенный
ответил ему весьма громогласным «да».
Люди, ожидавшие именно этого слова, все
как один радостно завопили, а несколько
даже попытались похлопать меня по спине.
Но, увидев, как я скривился от боли,
решили воздержаться.

Уже знакомая мне брюнетка пробилась сквозь
толпу и, быстро поняв, что я вот-вот рухну
на пол, подхватила меня под плечо. Сколько
наемников еще осталось на базе?- ее
голос, как и она сама, был сильным и
громким, напомнив мне Мундиры, потому
я помедлил с ответом, но потом собрался
и выдавил из себя- Человек пять, не
больше. Она энергично кивнула и крикнула-
Нам еще рано расслабляться, девчонки!
Наш новый друг весьма любезно убил
большую часть этих свиней и спас наши

задницы от продажи, но мы все еще на этой поганой планетке и пока мы тут, бой не окончен. Тащите сюда аптечку, нашему главному калибру нужна перевязка и укол стимуляторов!

Глава 15- Последняя

Едвая увидел полыхающие над головой диким
огнем звезды, как понял- мое тело осталось
там, где-то далеко, забытое и незначительное.
Здесь было только мое чистое «Я», без
примесей эмоций и инстинктов, бессмертный
отрешенный разум. Вопросы, терзающие
меня, и отступившие на грань, к тьме
бессознательного, в те часы, что я провел,
сражаясь, теперь ушли совсем. Цепи
прошлого- их больше не было, страхи и
тревоги- их холодные руки исчезли. Я
нежился на руках необъятного космоса,
потерянный для вселенной и свободный
от всего. Этоприятное время, увы, было прервано:
внезапный и болезненный удар, пришедший
с другой стороны бытия, вырвал меня из
покоя космоса, бросив обратно в череп,
лежащий на столе в той самой комнате,
где я разделался с тем наемником. Все
те события, казалось, произошли в другой
жизни и я пару секунд ошарашенно
рассматривал окружающую обстановку,
вспоминая все детали последних часов. Закончивс этим, я быстро сел на краю стола и потер
руку, на поверхности которой был еще
ощутим след от укола. Доктор сказал, что
у тебя крайняя степень истощения и
множественные мелкие раны, но стимулятор
поставит тебя на ноги в два счета-
произнес отдаленно знакомый мне голос
и прохладная рука коснулась моей спины.
Ощущение было не из приятных, но я сдержал
импульс дернуться и заорать, вместо
этого ограничившись вопросом- Где
доктор? Говорившая,та самая брюнетка, с которой я ранее
успел пообщаться жестами, показалась
в поле зрения и протянула ко мне ладонь
с двумя синими таблетками- Он сказал,
что тебе потребуется обезболивающее
для того, чтобы пережить путь до клиники.
Пару секунд я озадаченно моргал,
осматривая их, а потом осторожно потрогал
ребра и произнес- Пока что я в них не
нуждаюсь. Какова обстановка? Мывыиграли небольшую передышку с тем
оружием, что позаимствовали у тебя-

ворвался в мои уши новый голос, возможно,
слишком уж громкий для еще не освоившегося
в этом мире разума и я, скривившись,
повернул голову к его источнику. Им
оказалась крепкая женщина с коротко
стрижеными светлыми волосами и татуировкой
«Смерть с небес» на расцарапанной руке.
Она была вооружена моей винтовкой, держа
ее так, как обычно держат оружие обученные
Блоком солдаты, потому я не стал требовать,
чтобы блондинка вернула мне его, вместо
этого ограничившись коротким- Потери? Мнеудалось ранить одного из уцелевших
наемников, остальные скрылись на одном
из болотоходов- немного сконфуженно
сообщила она, стараясь избегать моего
взгляда, словно проштрафившийся курсант
гневного взора своего инструктора. Но
в этом не было ничего преступного, в
конце концов, девчонка сделала все, что
смогла, и я улыбнулся ей- Хорошая работа.
Остальные машины выведены из строя?
Блондинка удивленно подняла глаза- Нет,
там еще два катера, заправленные и
готовые к отправке. Насколько я знаю,
эти скоты планировали утром вывезти
нас на посадочную площадку где-то
неподалеку. Ясно,значит, скоро к ним прибудет подкрепление,
-подытожил я, спрыгивая со стола и
осматривая своих друзей по несчастью.
Женщина протянула мне винтовку, но я
мотнул головой- Мне пока хватит и
пистолета. Где он, кстати? Брюнетка, с
тревогой следящая за каждым моим
движением, достала его из-за спины и
вложила мне в руку, на что я ответил
благодарной улыбкой и вопросом- Сколько
я пробыл в отключке? Недостаточнодля того, чтобы восстановиться в полной
мере,- деловито сообщил мне новый голос,
принадлежащий пожилому мужчине с
аптечкой в руках. Он уверенно зафиксировал
мою голову и посветил в глаз фонариком,
после чего бросил девушкам, все еще
стоящим рядом с нами- Кэм, Бекка, займитесь
кем-нибудь еще. Дайте нас воздуха!
Я- докторМартинес и я бы посоветовал тебе некоторое
время полежать спокойно,- сказал он, а
потом со вздохом добавил- Но ситуация

к этому не располагает, потому я вколол
тебе стимуляторы. Судя по твоим венам,
тебе не привыкать к такому. Как себя
чувствуешь? Сможешь вывезти нас отсюда?
Оглядевполтора десятка людей, вооруженных чем
Вселенная послала, я кивнул- Вполне. Полчасаспустя мы уже мчались по болотам, время
от времени притормаживая для того, чтобы
я сориентировался на местности. Док
занял место у руля катера, а я сидел
рядом, баюкая в руках свою винтовку. Кэм
таки всучила ее мне, взамен взяв пистолет.
У девушки была твердая рука, в чем я
убедился, увидев труп одного из наемников.
Ей все-таки удалось достать его.
Мартинесрассказал мне о том, как они попали в
лапы Слэйда с Карвером. Они, док, Бекка,
Кэм и еще пара ребят из числа освобожденных
мной людей, доставили наемникам груз-
некие контейнеры, содержимое которых
никому из экипажа видеть было не положено.
Док винил себя в том, что вообще взялся
за эту работу, но, как я прекрасно знал,
иногда выбора просто нет. Ободряюще
потрепав его по плечу, я вскинул руку
вверх, давая знак второму катеру,
следующему за нами хвост в хвост,
остановиться, а затем встал, чтобы
осмотреться. Усевшисьобратно, я посмотрел на ожидающих моих
слов людей и пару секунд не мог найти
подходящих слов для того, чтобы сказать
им. Наконец, я собрался и деловым тоном
сообщил- Хорошие новости, посадочная
площадка близко. И на ней стоит корабль.
Плохие- там стоят три «Кархародона» и,
наверняка, полно пехоты. Док скривился
и выругался на эсперанто, а Кэм сжала
зубы, как и два парня, сидящие рядом с
ней. У нас нет другого выбора,- произнесла
женщина- Нам не добраться до города на
этих посудинах. Этоформенное самоубийство!- горячо возразил
доктор. Если мы атакуем внезапно, то у
нас есть шанс!- бросила Кэм, закинув руку
мне на колено,- Этот парень знает, с
какого конца бластеры стреляют! Мартинес
мельком взглянул на меня и сказал- Ну а
остальные? Они- торговцы, а не солдаты!
Один из парней ударил себя кулаком в

грудь- Свобода- вот за что стоит биться!
Спокойно,-улыбнулся я,- ваше время сражаться еще
придет. Я пойду первым, а вы начнете
действовать тогда, когда я подам вам
сигнал. Я же говорила!- победно объявила
блондинка, махнув перед собой пистолетом,-
Мы им покажем Солнце над долиной! Доктор
с тревогой посмотрел на меня, а потом
устало склонил голову- Ладно, доверимся
тебе еще раз. Какой у тебя план? Пятнадцатьминут спустя я медленно пробирался
через ставший уже привычным мне ландшафт,
игнорируя суетщуюся вокруг крупную
мошкару. Царящие вокруг потемки сильно
упрощали мне задачу, что было весьма
кстати, ведь стимуляторы не были панацеей
от всех приятных эффектов, сопровождающих
мое нынешнее состояние. Но время у меня
было и я пытался выжать из своих мышц
максимум, оставляя силы только для битвы
с наемниками. При мнебыла моя старая добрая винтовка, нож и
два пистолета и я убеждал себя в том,
что они переживут переправу через реку.
Но, в конечном итоге, я узнаю это только
на другом берегу, потому то я отдался
на волю судьбы и поплыл по грязным водам,
навстречу посадочной площадке и ангару
возле нее. Этозаняло больше времени, чем я рассчитывал,
но меньше, чем я боялся, потому на твердую
землю я вылез, широко улыбаясь. Эта
улыбка слегка померкла, когда я встретился
взглядом с наемником, орошающим мне
грудь из своего шланга. К счастью, он
был так ошарашен появлением покрытого
тиной и грязью существа, что даже не
подумал о том, чтобы пристрелить его из
висящего на боку автомата. Ему пришлось
заплатить за это жизнью- нож обналичил
его чек, вскрыв глотку парня, а мои руки
аккуратно освободили его бренное тело
от веса оружия и бесшумно спустили в
мутные воды, бесшумно сомкнувшиеся над
ним.. Теперьу меня было достаточно зарядов практически
для всей собравшейся на площадке публики-
примерно девяти человек. Но присутствие
на поле боя экзоскелетов сильно затрудняло
мне задачу. Для уничтожения «Кархародонов»
мне требовалось либо находиться в одном

из них, либо иметь на вооружение что-то
помощнее штурмовой винтовки. Второй
вариант пока что отпадал- я не заметил
у наемников ничего подходящего, потому
сосредоточился на угоне одного их
экзоскелетов. Такиемашины не самое удобное место для
ожидания, потому пилоты двух «Кархародонов»
валялись рядом со своими доспехами,
оставив наблюдение за обстановкой
третьему, медленно вращающемуся вокруг,
осматривая местность. Он не покидал
своей позиции и потому никак не мог
компенсировать мертвые зоны своего
обзора, коими я и воспользовался,
прокравшись мимо и вскрыв глотку одному
из пилотов в те секунды, что его товарищ
был повернут к нам спиной. Второйне стал геройствовать, заорав во всю
глотку и бросившись в сторону «Кархародона»,
едва увидел меня. Я не стал тратить время
на выяснение его дальнейшей судьбы,
спешно забираясь в кокпит свободного
доспеха под вопли спешащих ко мне
наемников. Когда забрало уже закрывалось,
заряд прижег мне кожу на щеке, но я воздал
стрелку сторицей, подав «Кархародон»
вперед и схватив его огромной лапой.
Наемник попытался достать со своего
жилета нечто, смахивающее на гранату,
но я не успел разглядеть что именно,
ведь третий доспех налетел на меня и
повалил на землю. Но нетхуда без добра: инстинктивно поставив
блок, я раздавил наемника, которого все
еще держал в лапе, о броню своего
оппонента, на которой же и сработала
граната. Взрыв зацепил нескольких
суетящихся вокруг «Кархародона»
наемников, превратив их в живые факелы,
а затем к вечеринке полноценно
присоединился я, ударом ноги спихнув
пустующий доспех в реку. Он прополз по
площадке, высекая из металла целые
водопалы искр, и съехал в воду, увлекая
за собой несколько небольших контейнеров. Вражескийэкзоскелет смог подняться и открыть по
мне огонь, а корабль- небольшой грузовичок
неизвестного мне класса, начал проявлять
симптомы, свидетельствующие о подготовке

к взлету. Все происходило не совсем так,
как мне бы того хотелось, потому мне
пришлось прибегнуть к крайним мерам,
спешно переместившись поближе к кораблику
и погнув ему пандус мощным ударом кулака
«Кархародона», сделав любой перелет в
вакууме крайне небезопасным. Экипажупосудины это крайне не понравилось и
меня осыпал ливень зарядов из двух
крохотных турелей, расположенных по
бокам от кабины. Они не могли пробить
основные бронелисты доспеха, но их общая
интенсивность вполне могла повредить
какую-либо из второстепенных систем,
заставив меня укрыться вне зоны их
покрытия и сосредоточив огонь на
наемниках. Граната,которую словил доспех противника,
оказалась серьезной вещью, проплавив
ему броню настолько, что пилот практически
полностью лишился укрытия. Теперь он
стрелял по мне из наручной пушки, прикрыв
пробоину второй рукой. Трое уцелевших
наемников также вновили свою лепту,
постреливая по моему «Кархародону» из
своего ручного оружия. Я заставилих пригнуть головы, пару раз выпалив из
своих пушек и создав огневую завесу
пулеметным огнем. Все это представление
было необходимо мне для того, чтобы
дотянуться до ящика с отметкой «Опасно»,
стоящего на расстоянии полторы вытянутых
руки, и заглянуть внутрь. Там находилось
токсичное удобрение, при контакте с
воздухом и огнем превращающееся в
абсолютно опасное- то, что надо для
подобной ситуации. Паройударов я проделал несколько дыр в
контейнере и метнул его так, чтобы черный
порошок дождем осыпал позиции врага и
поврежденный взрывом доспех. Мне даже
не пришлось искать способ воспламенить
удобрение- «Кархародон» врага плюнул
в мою сторону огнем из своей пушки и все
вокруг него превратилось в огонь. На
краткие доли секунды, правда, но и того
пламени, что охватило все, лежащее на
пути ящика, хватило бы за глаза.
За моейспиной вспыхнули сопла двигателей и
мне пришлось быстро откатиться в сторону
и, ухватив кораблик за уже было начавшие

втягиваться посадочные опоры, притормозить
его. Оставив манипуляторы придерживать
грузовик, я забрался по пандусу и,
пробежав через полупустой трюм и коридор,
наставил оружие на пилота, обреченно
вскинувшего вверх руки.
Когдая связал его, то сунул за спину найденный
у пилота в комбезе пистолет, после чего
выбрался наружу. Снаружи царила ночь,
нарушаемая лишь звуками болот, и я, как
следует проверив- мертвы ли наемники,
подал гражданским сигнал о том, что все
чисто- выстрел, а потом, после небольшого
перерыва, еще три.
Катерапоявились из ночной тьмы, точно призраки,
и я слегка отступил назад, едва они, один
за другим, заползли на площадку. Хороший
план, я тебе скажу,- улыбаясь, сообщил
Мартинес, спрыгивая вниз с сиденья
водителя, а Кэм, ни говоря ни слова,
обняла. Это было довольно неловко,
поскольку я не знал, что в таких случаях
полагается делать, но, обратившись к
импровизации, я ответил девушке тем-же. Беккапоказала мне большой палец и вернулась
к помощи тем, кто не мог спуститься с
катера самостоятельно. Блондинка,
наконец, отпустила меня и повернулась
к доктору. Что теперь, док?- спросила
она. Мартинес задумчиво осмотрел корабль
и ночное небо перед тем, как ответить.
Думаю, мы можем лететь домой. Дом. Япомнил только одну подобную вещь-
холодный мертвый покой тех клеток, что
были колыбелями и гробами для Когтей.
Но я более не хотел возвращаться туда.
Может, я смогу найти себе новый дом там,
среди звезд? Их свет ничего не ответил
на мой немой вопрос, но я знал, что так
и будет, потому просто опустил голову
и посмотрел на корабль. Он унесет меня
прочь от этого мира, где мне было суждено
переродиться, к тому, где мне суждено
стать кем-то иным. Мы досих пор не знаем твоего имени- толкнула
меня в плечо Кэм и я, смерив ее взглядом,
через пару секунд непринужденнно
улыбнулся и ответил- Адам. Меня зовут
Адам.

Страница книги Коготь один в интернете